Folio
DK561
.S85
1915

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

Folio
DK561
.S85
1915

DEMCO

00005141296

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
LIBRARY
AT CHAPEL HILL

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/zamiechatelnyper00stol

7.567.

П. Столпянскій.

Многоуважаемому [redacted]

31 VIII 915.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОКЪ СТАРАГО ПЕТЕРБУРГА.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Петроградскаго Градоначальства, Измайловск. п., 8 рота, д. № 20-б.
1915.

2914-1.367.

88/28

2914

П. Столпянскій.

ee c
Folio
DK561
.S85
1915

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПЕРЕКРЕСТОКЪ СТАРАГО ПЕТЕРБУРГА.

Докладъ, читанный въ Императорскомъ Петроградскомъ обществѣ архитекторовъ 29 апрѣля 1914 года.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Зодчій» за 1915 г.

ZAMIECHATEL'NYI PEREKRESTOK STARAGO PETERBURGA

The Library
The University of North Carolina
Chapel Hill

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Петроградскаго Градоначальства, Измайловск. п., 8 рота, д. № 20-б.
1915.

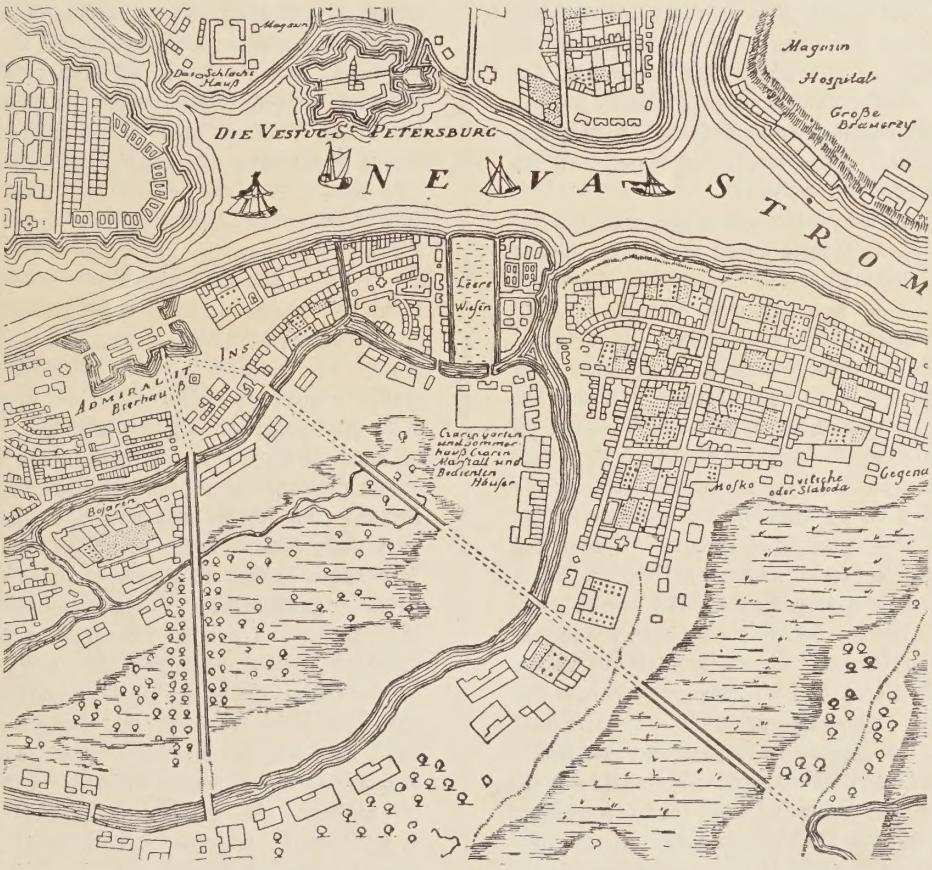
Ivan Vangpansky
10 XII-63

Замѣчательный перекрестокъ Стараго Петербурга.

Докладъ, читанный въ Императорскомъ Петроградскомъ обществѣ архитекторовъ 29 апрѣля 1914 года.

I.

Если обратиться къ коренному петроградцу съ вопросомъ: знаетъ ли онъ перекрестокъ Невскаго проспекта и Морской улицы, то петроградецъ обидится — какъ ему не знать тотъ перекрестокъ, на которомъ онъ бываетъ чуть ли не каждый день. Но эта обида петроградца хотя и понятна, однако не вполнѣ справедлива: замѣчательный перекрестокъ Петрограда съ его интереснѣйшей исторіей неизвѣстны большинству петроградцевъ.



Фиг. 1. Планъ С.-Петербурга.

Мы и позволяемъ себѣ возстановить исторію этого мѣста чуть ли не съ самыхъ первыхъ дней его существованія.

Рѣка Мойка у финновъ звалась рѣчкою Мьею. Такихъ рѣчекъ въ старой Ингерманландіи очень много, такъ какъ слово Мья—обычное мѣстное названіе небольшихъ рѣчекъ; русскій человѣкъ, услыхавъ чуждое себѣ названіе „Мья“, неизмѣнно передѣлывалъ его въ „Мойку“—очевидно, здѣсь игралъ роль законъ ассимиляціи. Правда, дѣлались попытки объяснить происхожденіе этого названія и инымъ образомъ, но эти попытки терпѣли фіаско; такъ говорили, что Мья была небольшимъ болотнымъ ручейкомъ съ грязною, вонючею водою, когда же въ 1711 году произошло соединеніе Мьи съ Фонтанкою, то вода въ Мьѣ прочистилась, можно было даже этою водою мыться—отсюда и новое названіе рѣчки—Мойка [1]). Но самое главное возраженіе противъ этого объясненія заключается въ томъ, что названіе „Мойка“ появилось задолго до 1711 года, когда произошло соединеніе Мойки съ Фонтанкою. Затѣмъ указывали, будто бы Петромъ Великимъ были построены гдѣ-то на берегу Мьи общественныя бани съ воспрещеніемъ обывателямъ строить бани у себя на дворахъ [2]). Такимъ образомъ приходилось ходить мыться въ бани на Мью, которая и превратилась въ Мойку. И здѣсь правда смѣшана съ небылицею. Запрещеніе устраивать бани при домахъ было, дѣйствительно, сдѣлано Петромъ Великимъ, но гораздо позже, а первыя бани въ Петербургѣ на Адмиралтейской сторонѣ были заложены вовсе не у Мойки, а недалеко отъ Адмиралтейства, около нынѣшняго Крюкова канала. Такимъ образомъ

приходится принять единственно возможное объясненіе происхожденія этого названія—звуковымъ сходствомъ.

Начало застроенія береговъ рѣки Мойки произошло совершенно случайно, какъ случайно происходила вообще и вся первоначальная застройка Петербурга. Съ заложеніемъ адмиралтейства, какъ верфи, необходимо было построить помѣщенія для морскихъ офицеровъ и для мастеровыхъ. И вотъ Яковлевъ, одинъ изъ наблюдателей за постройками въ Петербургѣ, доноситъ Меншикову отъ 26 августа 1705 года, что „г. вице-адмиралу (т. е. Крейсу) домъ по его чертежу достраиваютъ, также мастерамъ и прочимъ ремесленнымъ людямъ избы и канатный дворъ и прочія нужнѣйшія хоромы строятся, и у *вице-адмирала заложено 23 избы*“ (курсивъ нашъ) [3]).

Весьма понятно, что вице-адмиралъ Крейсъ или, по написанію того времени, Крюйсъ обидѣлся, что заняли отведенный ему участокъ другими постройками, и такъ какъ Крюйсъ отличался упорнымъ и настойчивымъ характеромъ, то онъ добился переноса этихъ 23 офицерскихъ избъ со своего двора. При переносѣ этихъ избъ нужно было отыскать для нихъ мѣсто въ самой близости къ первоначальному—такое мѣсто и представляли берега маленькаго болотистаго ручейка Мойки; 5 іюля 1706 года тотъ же самый Яковлевъ издаетъ распоряженіе: „морского флота офицерамъ дома переносить къ маленькой рѣчкѣ и ставить въ линію“ [4]).

Такимъ образомъ получилась линія набережныхъ домовъ по Мойкѣ; въ настоящее время это—дома архива государственнаго совѣта, гвардейскаго штаба, министерства иностранныхъ дѣлъ и рядъ частныхъ домовъ на Мойкѣ отъ послѣдняго зданія до Невскаго проспекта.

Какъ же возникъ этотъ послѣдній, и для какой цѣли была проведена „эта великая перспектива“, которой такъ изумлялись первые иностранцы? Вспомнимъ хотя бы Берхгольца съ его указаніемъ, что при въѣздѣ въ Петербургъ онъ попалъ „въ длинную широкую аллею, вымощенную камнемъ и по справедливости названную проспектомъ, потому что конца ея не видно“ [5]). Конечно, Невскій проспектъ не былъ выдуманъ Петромъ Великимъ для красоты и благоустройства Петербурга: онъ образовался естественно вслѣдствіе мѣстныхъ топографическихъ условій. Старая дорога изъ Новгорода въ Ніенъ (нынѣшняя Охта) шла по краю современной Литейной части за Знаменскою церковью; съ нынѣшней Кирочной улицы эта дорога раздѣлялась на три тропы: крайняя шла къ Спасскому посаду, т. е. Смольному монастырю, средняя—на Северину мызу (около Литейнаго моста) и крайняя, западная, черезъ мызу Конау (нынѣшній Инженерный замокъ) [6]) направлялась по берегу Невы къ лежавшимъ тамъ приблизительно на мѣстѣ Адмиралтейства и церкви Благовѣщенія двумъ деревнямъ. Немногочисленные обыватели этихъ деревень могли довольствоваться такимъ кружнымъ путемъ. Но когда начали строить Адмиралтейство, когда усилился подвозъ изъ Россіи къ Петербургу, нужно было найти болѣе близкую, болѣе прямую дорогу къ Адмиралтейству. При проложеніи этой дороги нужно было пересѣчь Фонтанку, тогда имѣвшую гораздо большую ширину, чѣмъ теперь, и рядъ протоковъ, отходящихъ въ обѣ стороны въ видѣ или большихъ болотъ, или незначительныхъ рѣчекъ, слывшихъ подъ названіемъ Черныя рѣчки. Самое узкое мѣсто Фонтанки оказалось у нынѣшняго Аничкова моста, а дальнѣйшее направленіе Невскаго проспекта таково, что онъ шелъ, направляясь къ Адмиралтейству, въ верховьяхъ вышеуказанныхъ болотныхъ протоковъ Фонтанки, пересѣкая только одинъ изъ нихъ—Кривуши, теперешній Екатерининскій каналъ. Такимъ образомъ, прорубая просѣку, превратившуюся впослѣдствіи въ Невскій проспектъ, первоначальные строители Петербурга руководствовались мѣстными условіями, стараясь сдѣлать такъ, чтобы затратить меньше усилій, меньше труда.

Петръ Великій—хотя и принципіальный противникъ мостовъ, требовавшій отъ петербуржцевъ непремѣннаго умѣнія ходить подъ парусами—очень скоро разрѣшилъ устройство мостовъ по новой „Невской перспективной“ дорогѣ. Нынѣшній Аничковскій мостъ появился въ 1715 г., нынѣшній Полицейскій - въ 1720 году; разрѣшеніе это было дано Петромъ Великимъ, конечно, потому, что онъ самъ ясно видѣлъ неудобство переправы на паромѣ или на лодкахъ черезъ Фонтанку и Мойку по главной проѣзжей дорогѣ. Но гораздо раньше, чѣмъ былъ построенъ Полицейскій мостъ,—начались заботы объ устройствѣ набережной Мойки, и въ этихъ заботахъ высказалась обычная сторона Петровскихъ распоряженій. 20 мая 1715 года [7]) было дано Петромъ приказаніе бить въ берега рѣчки Мьи или „маленькой“ сваи, а 12 октября того же года слѣдуетъ новое распоряженіе Петра „по малой рѣчкѣ погодить въ берегъ бить сваи“ [8]). Ждали до 11 ноября 1717 года, когда появилось одно изъ интереснѣйшихъ гуманныхъ распоряженій Петра Великаго по постройкѣ Петербурга. Извѣстно, что въ своихъ распоряженіяхъ объ устройствѣ „Парадиза“ Петръ вовсе не считался ни съ правами, ни съ удобствами отдѣльныхъ обывателей—все и всѣ должны были быть принесены въ жертву основной идеѣ: постройкѣ столицы. И вдругъ мы наталкиваемся на такую мѣру: издавая приказаніе о битьѣ свай по берегу Мьи, Петръ Великій въ собственноручной резолюціи писалъ: „а такъ какъ бѣдные люди не могутъ отъ себя бить свай, то учинить особый сборъ съ жителей (кромѣ бѣдныхъ) внутри Адмиралтейскаго острова по пропорціи поперешника дворовъ ихъ и на тотъ сборъ побить сваи передъ бѣдными людьми наемными работниками“ [9]).

Если бѣднымъ и дѣлались послабленія при постройкахъ въ Петербургѣ, то эти послабленія заключались лишь въ томъ, что бѣдные обязаны были строить дома попроще, вмѣсто черепицъ могли крыть дерномъ, и т. под., но все это они должны были дѣлать сами, безъ государственной помощи, единственный (какъ намъ кажется) примѣръ которой мы нашли въ вышеприведенномъ распоряженіи.

Устройство первоначальной набережной длилось въ теченіе 1717—1718 годовъ [10]), и сейчасъ же послѣ этого устройства, 8 января 1719 года [11]) велѣно было строить по берегамъ рѣки Мьи „деревянное строеніе по показаннымъ вѣхамъ“. Петровская набережная рѣки Мьи просуществовала до 1736 года, когда 18 сентября [12]) появился указъ императрицы Анны Іоанновны „объ образованіи набережной рѣки Мойки“, и, какъ говоритъ первый историкъ Петербурга, Богдановъ, „оная рѣка вся вычищена до настоящей глубины и сваями обита на подобіе канала, въ которой нынѣ вода теченіе свое имѣетъ преизрядное, видомъ ясная и чистая, ко вкушенію

преизрядная такъ, какъ настоящая невская вода, глубиною довольная, такъ что нынѣ по ней всякія суда съ великимъ грузомъ ходятъ свободно, и сію рѣчку болѣе можетъ нынѣ всякъ почесть за нарочно сдѣланный каналъ» [13]).

Возстановить исторію постройки перваго моста на Мойкѣ мы, къ сожалѣнію, лишены возможности—такъ какъ сохранилось или, вѣрнѣе, нами найдено всего два небольшихъ дѣла въ общемъ архивѣ министерства двора [14]); изъ этихъ дѣлъ видно, что мостъ строился въ 1720 г. и былъ подъемнымъ. Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ вообще принадлежитъ забота о рѣкѣ Мойкѣ, она же обратила вниманіе и на Полицейскій мостъ. Недалеко отъ него, приблизительно на нынѣшнемъ перекресткѣ Невскаго проспекта и Морской улицы, были воздвигнуты торжественныя тріумфальныя ворота для въѣзда императрицы въ Санктпетербургъ (первыя такія ворота стояли у Аничкова моста). Чтобы попасть ко вторымъ воротамъ нужно было переѣхать черезъ старый Петровскій подъемный мостъ—впечатлѣніе отъ торжественныхъ воротъ умалялось, и 13 марта 1735 года послѣдовалъ указъ „о перестройкѣ зеленаго моста черезъ рѣку Мью у каменнаго мытнаго двора“ [15]). Мостъ велѣно было выкрасить зеленымъ цвѣтомъ, поставить на него какія то аллегорическія фигуры и эти фигуры вызолотить. Отъ своей окраски мостъ и получилъ названіе „Зеленый“. Въ 1777 году [16]) мы впервые сталкиваемся съ названіемъ этого моста—„полицейскій“; это второе названіе моста, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло отъ того, что около этого времени на мѣстѣ нынѣшняго Елисѣевскаго дома былъ выстроенъ оберъ-полицмейстеромъ Н. И. Чичеринымъ собственный домъ. Но возможно, что на это второе названіе повліяла и близость къ этому мосту „главной полицмейстерской канцеляріи“, которая помѣщалась за зданіемъ голландской церкви по берегу Мойки въ направленіи къ Конюшенному мосту. Однако первое объясненіе намъ кажется болѣе правдоподобнымъ, и вотъ почему. Полицмейстерская канцелярія была устроена на указанномъ мѣстѣ чуть ли не съ перваго дня своего существованія, между тѣмъ мостъ звался по своему цвѣту „зеленымъ“; но какъ только появился домъ оберъ-полицмейстера, мостъ начинаютъ звать „полицейскимъ“. Это второе названіе обыкновенно пояснялось старымъ, т. е. говорили и писали: „у полицейскаго или зеленаго моста“ и только послѣ того, какъ въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія полицмейстерская канцелярія была переведена въ тотъ домъ на Большой Морской улицѣ, гдѣ нынѣ находится управленіе телефонной сѣтью, за зеленымъ мостомъ укрѣпилось его новое названіе, которое существуетъ и по днесь.

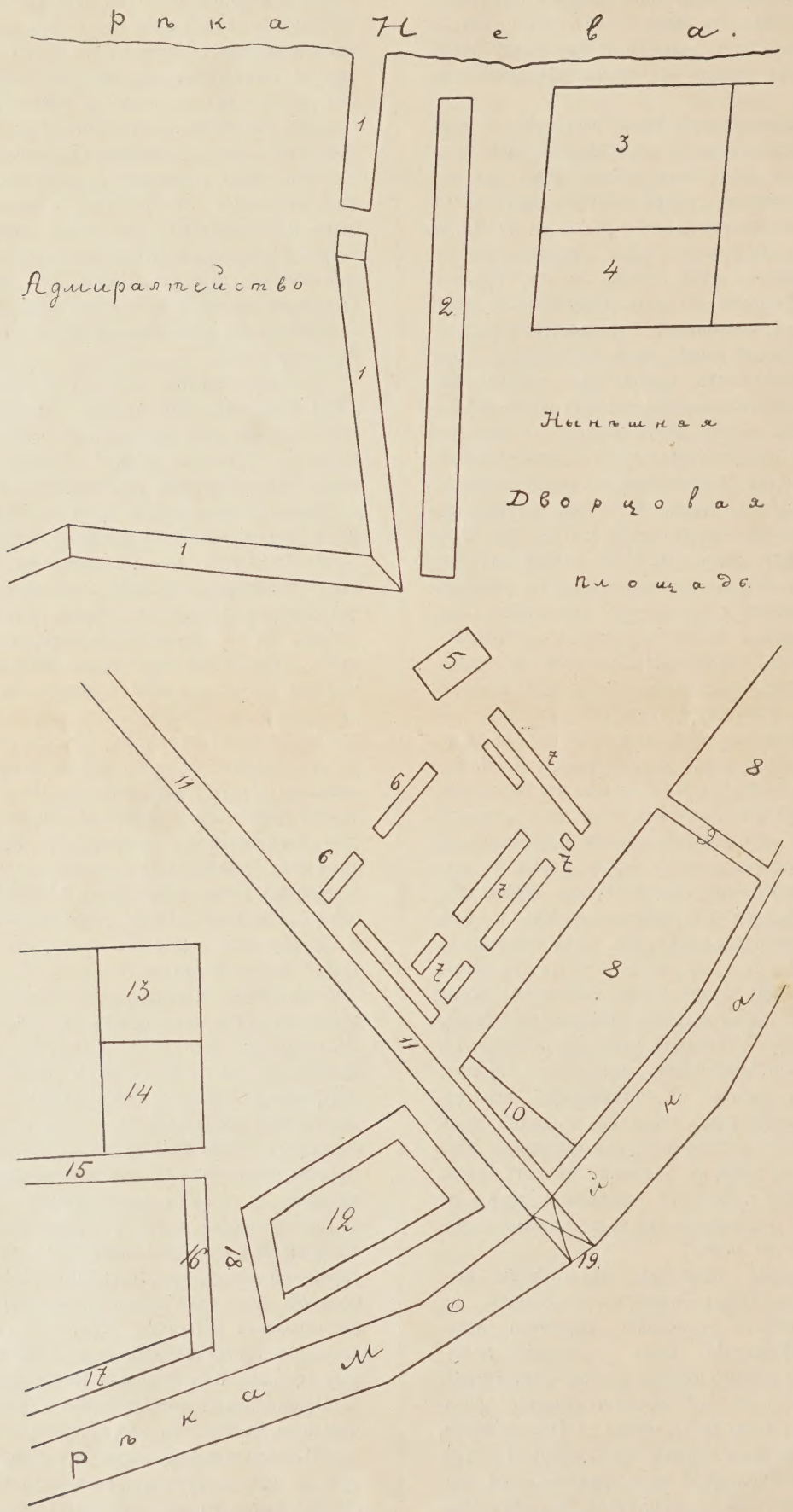
Въ ознаменованіе торжества двухсотлѣтія первой морской побѣды Петра Великаго при Гангутѣ, петроградское городское управленіе окрестило теперешній Пантелеймоновскій мостъ — жалкій мостъ, устроенный вмѣсто дивнаго цѣпного моста,—Гангутскимъ, при чемъ въ объясненіе этой перемѣны названія приводилась близость къ этому мосту церкви св. Пантелеймона, въ день памяти котораго и была побѣда при Гангутѣ. Названіе „Пантелеймоновскій мостъ“ имѣетъ свой raison d'être: здѣсь церковь св. Пантелеймона, здѣсь Пантелеймоновская улица; отношеніе же этого моста, этой церкви къ Гангуту—очень и очень отдаленное. Намъ казалось и кажется, что если нужно—въ память Гангута—окрестить какой либо мостъ или какую либо улицу наименованіемъ „Гангутской“,—то это слѣдовало бы сдѣлать съ нынѣшнимъ „полицейскимъ“ мостомъ. Современное названіе его не только не поясняетъ историческаго значенія мѣстности, а наоборотъ, даже затемняетъ его, такъ какъ весьма естественно предположеніе, что названіе этого моста указываетъ на сосѣдство полиціи. Между тѣмъ нынѣшняя Адмиралтейская часть первоначально была исключительно поселеніемъ моряковъ, по Мойкѣ тянулись избы морскихъ офицеровъ; какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, здѣсь же помѣщался „Морской рынокъ“. Гангутскій мостъ—хотя и очень туманно и отдаленно—напоминалъ бы современному петербуржцу далекое прошлое его города.

Возвращаемся къ „Зеленому“ мосту. Въ теченіе XVIII вѣка онъ неоднократно перестраивался [17]), ремонтировался, пока наконецъ, въ 1805 году [18]) не былъ замѣненъ чугуннымъ мостомъ. Проектъ этого чугуннаго моста былъ составленъ архитекторомъ Гесте, и постройка обошлась въ 46.538 р. 27 к., при чемъ всѣ части моста были сдѣланы на русскихъ заводахъ.

Въ 1842 году въ Полицейскомъ мостѣ было сдѣлано нѣкоторое измѣненіе: „заборомъ обнесли проходъ для пѣшеходовъ по лѣвой сторонѣ Полицейскаго моста—читаемъ мы въ современныхъ извѣстіяхъ—здѣсь устраиваютъ вдоль всего моста родъ балконовъ, отчего расширится панель для пѣшеходовъ, которые должны были съ широкаго тротуара Невскаго проспекта подниматься на мостъ по узкому проходу, стѣсненному съ обѣихъ сторонъ перилами. Теперь пространство между перилами будетъ также широко, какъ новый тротуаръ, и зимнее гуляніе продолжится за Полицейскій мостъ до угла Адмиралтейской площади“ [19]). Черезъ два года, въ 1844 году, Полицейскій мостъ избрали мѣстомъ пробнаго мощенія улицъ асфальтомъ, и Ѳаддей Булгаринъ въ своей „Сѣверной Пчелѣ“ восклицалъ: „каждый день я восхищаюсь пробнымъ мощеніемъ асфальтомъ на гребнѣ Полицейскаго моста. Асфальтъ, вылитый въ кубическія формы, выдерживаетъ самую жестокую пробу, потому что едва ли бываетъ гдѣ болѣе ѣзды, какъ по Полицейскому мосту“ [20]). Наконецъ отмѣтимъ, какъ курьезъ, что въ 1870 году въ городской думѣ разсматривался проектъ купца Германа Молво [21]). Этотъ иностранецъ предлагалъ за свой счетъ перестроить и расширить Полицейскій мостъ съ устройствомъ по обѣ стороны моста теплыхъ павильоновъ для торговыхъ помѣщеній и теплыхъ ватерклозетовъ. Конечно, дума не согласилась на такую утилизацію Полицейскаго моста. Въ прошломъ году на Полицейскомъ мосту воздвигнуты украшенія (по мнѣнію городского управленія) въ видѣ фонарей—но о тѣхъ украшеніяхъ, которыми современное петроградское городское управленіе „украшаетъ“ столицу, приходится говорить не на страницахъ архитектурнаго журнала, а на столбцахъ юмористическихъ листковъ.

Прослѣдивъ исторію Полицейскаго или Зеленаго и, слѣдовало бы, Гангутскаго моста, вернемся къ сѣдой старинѣ.

„И тѣ мастеровые люди, кои нынѣ пріѣхали, живутъ у адмиралтейскаго двора, скучаютъ, чтобъ на сей сторонѣ быть продажѣ съѣстнымъ товарамъ и питью вина и пива, для того, что имъ на другую сторону переѣзжать съ трудомъ и отъ дѣлъ не надлежитъ“,—



Фиг. 2. Планъ мѣстности по нынѣшнему Невскому проспекту между Мойкою и Адмиралтействомъ въ 1703—1736 г.г.

такія безхитростныя строчки вырвались изъ подъ пера Яковлева къ Меншикову 26 августа 1705 года [22]). Это указаніе на неимѣніе рынка и кабака на Адмиралтейской сторонѣ было принято Меншиковымъ, и черезъ недѣлю—2 сентября того же года—онъ отвѣчалъ Яковлеву: „для мастеровыхъ людей на вашей сторонѣ съ харчевыми припасами быть велѣно и о томъ я къ г. Брюсу писалъ, а которое нынѣ у васъ вино и медъ и то все отдай на кружечный дворъ бурмистру для продажи съ распискою именно, а на своей сторонѣ вели построить для питейной продажи избу, въ которую питье будетъ отпущаться съ кружечнаго двора“ [23]).

Такимъ образомъ, первый кабакъ возникъ въ 1705—1706 году, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь начинается бульваръ, идущій къ Невѣ, параллельно саду Зимняго дворца. Кабакъ этотъ оказался долговѣчнымъ, и исчезъ только послѣ пожара 1736—1737 годовъ. Въ 1707 году 29 октября Петръ Великій осматривалъ мѣстность вокругъ Адмиралтейства для указанія, какія постройки „страха пожарнаго для“, какъ говорилось въ старину, или для предосторожности отъ пожаровъ, какъ выражаются нынѣ—нужно сломать; сломать приказано было и кабакъ [24]), но царское повелѣніе такъ и осталось неисполненнымъ, и только пожаръ способствовалъ его выполненію спустя много лѣтъ послѣ смерти великаго царя.

Что представлялъ Петровскій кабакъ, или кружало, — мы не знаемъ; сохранилось единственное описаніе кабака въ запискахъ Вебера. Правда, оно нѣсколько утрировано, но, за неимѣніемъ другихъ данныхъ, приводимъ выдержку и изъ этого описанія: „Въ лѣтніе мѣсяцы (считая весь іюль и половину августа) 1716 года въ Санктпетербургѣ былъ неописанный жаръ, отъ котораго хлѣба и плоды созрѣли чрезвычайно быстро... Въ тотъ сильный жаръ приходилось очень плохо и отъ недостатка въ напиткахъ, потому что пиво, продающееся въ царскихъ пивныхъ лавкахъ, по крѣпости своей не утоляло жажды, да иностранецъ и не рѣшался брать пиво изъ этихъ простонародныхъ кабаковъ, гдѣ стоило только взглянуть на продажу онаго, чтобъ потерять къ нему всякій аппетитъ. Пиво это стоитъ тамъ обыкновенно въ огромныхъ открытыхъ кадкахъ, изъ которыхъ тѣснящійся около нихъ народъ зачерпываетъ свою долю деревяннымъ ковшомъ и, чтобъ не проливать ничего даромъ, выпиваетъ пиво надъ кадкой, въ которую стекаетъ такимъ образомъ по бородѣ то, что не попало въ ротъ. Притомъ, если у пришедшаго выпить не окажется денегъ, то онъ оставляетъ въ закладъ свой старый тулупъ, рубаху, онучи или другое что, безъ чего можетъ обойтись до вечера, когда получитъ поденную плату свою и заплатитъ за пиво, и онъ вѣшаетъ такой закладъ свой тутъ же на кадку, которая часто бываетъ обвѣшана этими грязными закладами, и никто не брезгуетъ этимъ, хотя нерѣдко то или другое изъ этого добра сваливается отъ тѣсноты людской въ самую кадку и преспокойно плаваетъ тамъ въ пивѣ по нѣсколько часовъ“ [25]).

По всей вѣроятности, одновременно съ кабакомъ возникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ кварталъ зданій между Морскою улицею, Невскимъ проспектомъ и Дворцовою площадью, и первый рынокъ, названный Морскимъ вслѣдствіе своей близости къ Адмиралтейству. Въ 1710 году объ этомъ рынкѣ говоритъ и тотъ неизвѣстный, который издалъ первое описаніе Петербурга и Кроншлота: „для русскихъ тутъ же устроенъ и особый рынокъ“ (фиг. 2, № 7 [36]). Понятіе о томъ, что представлялъ этотъ первый рынокъ Адмиралтейскаго острова — современный петроградецъ получитъ, если пойдетъ на одну изъ тѣхъ площадей для торговли, которыя существуютъ и по днесь въ Петроградѣ, напримѣръ у Обуховскаго моста: это было собраніе шалашей, ларей, раскинутыхъ въ безпорядкѣ по грязной, немощеной площади. Всѣмъ понятно, что торговцы однородными предметами группировались —и для своего и для покупателей удобства,—и это соединеніе нѣсколькихъ ларей и шалашей получало гордое названіе „рядъ“; появлялся такимъ образомъ „мясной рядъ“, „калашный рядъ“, „лоскутный“, гдѣ торговали старой одеждою. Ближе къ Адмиралтейству устанавливались возы съ сѣномъ и дровами—здѣсь были сѣнной и дровяной ряды. Конечно, мѣсто для этого рынка не было отведено—торговцы его захватили самовольно, руководясь тѣми соображеніями, что оно во-первыхъ лежало около проѣзжей дороги, а во-вторыхъ недалеко и отъ первоначальнаго жилья, которое было расположено по берегу Мойки. Нынѣшнія Морская и улица Гоголя стали застраиваться позже.

Была сдѣлана еще при Петрѣ Великомъ попытка урегулировать этотъ рынокъ. Именно, 15 ноября 1718 г. былъ изданъ „указъ о назначеніи рынковъ въ С.-Петербургѣ, наблюденіи чистоты торгующими съѣстными припасами, о ношеніи торговцами бѣлыхъ мундировъ“ [27]). Прямымъ слѣдствіемъ этого указа и было приказаніе въ слѣдующемъ году архитектору Гербелю [28]) произвести распланированіе Морскихъ слободокъ большой и малой и построить по проекту Маторнови Мытный дворъ на Невскомъ проспектѣ на углу нынѣшней Морской улицы (фиг. 2, № 12). Сохранилось слѣдующее описаніе этого перваго гостинаго двора Адмиралтейской стороны: „гостиный дворъ каменный, прежде именованный Мытный, на Адмиралтейской сторонѣ на самомъ томъ мѣстѣ близъ Зеленаго моста на Мойкѣ, гдѣ нынѣ домъ генералъ-

---

Объясненіе къ фиг. 2.

1—несуществующіе валы Адмиралтейства.
2—канатный сарай.
3—домъ Апраксина } нынѣ Зимній дворецъ.
4—домъ Кикина }
5—первый кабакъ—Петровское кружало.
6—сѣнные и дровяные ряды.
7—морской съѣстной рынокъ.
8—рядъ частныхъ домовъ по Мойкѣ, нынѣ зданіе министерствъ финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, а также главнаго штаба, и частные дома по Морской улицѣ.
9—несуществующій Чернышевъ переулокъ.
10—домъ Неймана.
11—Невская перспектива съ 1713 года.
12—Мытный или Гостиный дворъ.
13—Александро-Невское подворье.
14—домъ Наумова.
15—нынѣшняя Морская улица, въ то время Гостиная.
16—Мясные ряды.
17—Рыбные ряды.
18—нынѣшній Кирпичный переулокъ.
19—Зеленый или Полицейскій мостъ съ 1715 года.

Планъ составленъ на основаніи плановъ Петербурга 1739 и 1754 годовъ и архивныхъ данныхъ.

полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, наименованъ Мытнымъ потому, что оный построенъ былъ только для продажи съѣстныхъ припасовъ, но между тѣмъ нѣсколько лавокъ занято было и съ разными товарами и потомъ отчасти болѣе стало умножаться въ немъ купечество съ хорошими и богатыми товарами, оной болѣе сталъ наименоваться гостинымъ дворомъ, а не мытнымъ“ [29]).

Есть и еще одно описаніе этого гостинаго двора: „въ 1719 году близъ Зеленаго моста на набережной Мойки построены были новыя деревянныя лавки; строеніе было довольно обширное, двухъэтажное; въ нижнемъ помѣщались лавки, а въ верхнемъ жилые покои. Товары складывались безъ всякой системы“ [30]).

Первое разнорѣчіе этихъ двухъ описаній—у Богданова гостиный дворъ названъ каменнымъ, а во второмъ описаніи—деревяннымъ—смягчается тѣмъ указаніемъ, что постройка была не каменная и не деревянная, а мазанковая. Изъ сохранившагося плана видно, что этотъ Мытный, или Гостиный, дворъ представлялъ четыреугольное или пятиугольное зданіе, такъ какъ передній фасъ, обращенный къ Мойкѣ, не былъ параллеленъ заднему. На этомъ переднемъ фасѣ въ серединѣ было нѣчто походящее на башню и выступающее за линію фасада; по всей вѣроятности, эта срединная часть зданія предназначалась Петромъ Великимъ для помѣщенія магистрата и была украшена, или было только намѣреніе и ее украсить, любимымъ Петромъ Великимъ „шпицомъ съ часами“. Внутри зданія былъ обширный дворъ. Главная цѣль этой постройки очевидна: уничтожить Морской рынокъ и перевести всѣхъ торговцевъ этого послѣдняго въ построенный Мытный дворъ. Но это предположеніе такъ и осталось предположеніемъ; можетъ быть, торговцы Морского рынка не могли по дороговизнѣ занять новыхъ помѣщеній, а можетъ быть—торговцы галантерейнымъ и другимъ „хорошимъ и богатымъ товаромъ“, какъ указываетъ Богдановъ, составили торговцамъ съѣстными припасами такую конкуренцію, что послѣдніе должны были остаться на своемъ старомъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ въ 1734 г. [31]) „морской рынокъ, который былъ на лугу, противъ зимняго дому, былъ переведенъ въ рощу (на мѣсто нынѣшняго зданія Государственнаго банка), то есть гдѣ нынѣ имѣется“. Въ слѣдующемъ 1735 году было дано порученіе „главной полицмейстерской канцеляріи пріискать мѣста для перевода въ С.-Петербургѣ мясного и рыбнаго ряда съ Адмиралтейской стороны за переведенскія слободки“ [32]). Мясной рынокъ (фиг. 2, № 16) существовалъ приблизительно съ 1713 года; по крайней мѣрѣ 18 сентября этого года „разныхъ городовъ мясники Максимъ Евстифѣевъ, Борисъ Григорьевъ, Ѳедоръ Ивановъ съ товарищами били челомъ великому государю, что они живутъ въ Санктпетербургѣ и на Адмиралтейской сторонѣ и промышляютъ—торгуютъ мяснымъ промысломъ, а нынѣ по его императорскаго великаго государя указу имъ скотины бить и продавать не велѣно, а они до того указа купили скотины многое число, одолжаясь великими долгами, которая покупана и пригнана въ Санктпетербургъ изъ дальнихъ городовъ и та покупная скотина добрая, здоровая и падежу въ той скотинѣ нѣтъ, и просятъ, чтобъ имъ повелѣно было скотину бить и продавать всякихъ чиновъ людямъ по прежнему, дабы имъ отъ того въ конецъ не разориться и государевыхъ податей не отбыть и ту скотину ихъ для вѣрности свидѣтельствовать, кому великій государь укажетъ“ [33]). На это жалобное прошеніе мясниковъ послѣдовало согласіе. Вышеуказанный переводъ мясныхъ и рыбныхъ рядовъ не состоялся, такъ какъ они сгорѣли въ пожарѣ 1735 года; послѣ пожара не послѣдовало разрѣшенія на возстановленіе мясныхъ и рыбныхъ рядовъ, которые и были открыты на Сѣнной площади. Торговля рыбой въ этой мѣстности продолжалась еще долгое время, но не въ рядахъ, а съ барокъ. Одна изъ такихъ барокъ стояла у Полицейскаго моста, и въ ней продавались въ 1788 году живыя стерляди, цѣна которыхъ была слѣдующая: за 8 вершковую стерлядь платили 60 коп., 9 вершк.—90 к., 10 вершк.—2 руб., 11 вершк.—3 руб., 11½ вершк.—4 р., 12 вершк.—7 р., 13 вершк.—10 р. и аршинную 35 руб. [34]). Рыбьи садки были выведены съ Мойки вслѣдствіе постановленія городской думы отъ 12 ноября 1865 года [35]).

Петръ Великій, построивъ Гостиный дворъ, пересталъ обращать на него свое вниманіе, но императрица Екатерина I почему то очень заботилась о Морскомъ рынкѣ: 4 мая 1725 года поручено было „составить смѣты на мощеніе у Морского рынка на Адмиралтейской сторонѣ“ [36]), а черезъ недѣлю, 8 мая, было объявлено полицмейстеромъ Петербурга Девьеромъ высочайшее повелѣніе о мощеніи мѣстности у рынка на Адмиралтейской сторонѣ, между Морскими, на Невскомъ проспектѣ, съ назначеніемъ въ работу каторжниковъ“ [37]). Въ концѣ же 1725 года, 23 октября, было отдано приказаніе объ устройствѣ на морскомъ рынкѣ 2 столбовъ для публичнаго наказанія“ [38]), и здѣсь же былъ казненъ малолѣтній солдатскій сынъ Аристовъ за произведенный имъ поджогъ.

II.

„Сей гостиный или мытный дворъ—пишетъ Богдановъ—въ 1736 году загорѣвшись внутри, весь згорѣлъ и отъ онаго пожара развалился понеже оный строенъ былъ весьма стѣнами тонко, потолки, двери и затворы были деревянные и не стерпя сильнаго огня распался, а на послѣдки и остатки разобрали“ [39]).

Появилось еще одно, столь знакомое петербуржцамъ мѣсто пожарища и въ наше время,—достаточно вспомнить Троицкую площадь съ остатками Елисаветинскаго Троицкаго собора. Первымъ слѣдствіемъ этого пожара было появленіе указа императрицы Анны Іоанновны „о постройкѣ въ Санктпетербургѣ отъ тріумфальныхъ воротъ по большой дорогѣ къ Адмиралтейству и большой и малой Морскимъ улицамъ каменныхъ зданій“ [40]). Въ этомъ указѣ особенно интересно для насъ названіе Невскаго проспекта въ его части между Мойкою и Адмиралтействомъ „большою дорогою“ — очевидно, здѣсь еще не было построекъ. И одной изъ первыхъ построекъ надо считать домъ генерала Наумова—9 декабря 1739 года былъ данъ сенатскій указъ „объ отводѣ тайному совѣтнику Наумову мѣста въ С.-Петербургѣ въ Луговой улицѣ для постройки каменнаго дома“ [41]). Въ общемъ архивѣ министерства двора сохранился планъ участка Наумова. Изъ этого плана [42]) и изъ одного объявленія Санктпетербургскихъ вѣдомостей [43]) ясно видно, что домъ Наумова былъ на углу Морской улицы и Кирпичнаго переулка (перейдя послѣдній отъ

Невскаго проспекта). Домъ Наумова былъ каменный въ три этажа, въ немъ было 37 покоевъ, расположенныхъ: въ первомъ этажѣ 14, во второмъ 15 и въ третьемъ 8. Найденный нами планъ дома Наумова позволяетъ, наконецъ таки, вполнѣ точно опредѣлить мѣстоположеніе Александро-Невскаго, а потомъ Курскаго подворья. Изъ плана видно, что это подворье, или, какъ оно названо на планѣ, „Архирейское позорище", было смежнымъ съ участкомъ Наумова по Кирпичному переулку и выходило на Малую Морскую улицу; теперь этотъ участокъ принадлежитъ свѣтлѣйшему князю Салтыкову; Наумовскимъ же участкомъ владѣетъ петроградское духовное попечительство. Приблизительно къ этому времени относится выдѣленіе и участка на Мойку и Кирпичный переулокъ (перейдя послѣдній); этотъ участокъ принадлежалъ капитану Вонненбергу, въ этомъ домѣ въ 1763 году жилъ „штукатурнаго дѣла мастеръ Бартоломей Богоникъ, который дѣлалъ на продажу всякія гипсовыя позолоченныя статуи и подъ лакомъ, на подобіе бѣлаго фарфору" ").

Такимъ образомъ къ единственному дому, выходившему на Невскій проспектъ, на Морскую улицу и Мойку (по лѣвой сторонѣ Невскаго проспекта, идя отъ Адмиралтейства), въ концѣ 30-хъ годовъ XVIII вѣка присоединилось еще два дома—генерала Наумова и капитана Бонненберга.

Вышеуказанный домъ по Невскому, Мойкѣ и Морской улицѣ (нынѣ домъ Пастухова) въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1738 по 1778 годъ, принадлежалъ иноземцу, портному Нейману и его наслѣдникамъ. Архитектура этого дома была довольно своеобразная; по крайнимъ угламъ на Морскую улицу и Мойку домъ этотъ былъ въ два этажа, часть же дома, выходящая на Невскій проспектъ, была одноэтажная, и, представляя погреба, не имѣла на Невскій проспектъ оконъ. Это обстоятельство указываетъ, что Невскій проспектъ въ разсматриваемое нами время вовсе не представлялся главной улицею; иначе, конечно, не была бы разрѣшена постройка на Невскій проспектъ простыхъ погребовъ.

Если въ архитектурномъ отношеніи домъ Неймана не представлялъ что либо интересное, то въ бытовомъ, въ исторіи житейскихъ отношеній петербуржцевъ, хроника жизни этого дома заслуживаетъ большого вниманія.

„Предъ недавнимъ временемъ—читаемъ мы въ номерѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей отъ 27 ноября 1738 г.[45]) —прибыли два савояра сюда и привезли съ собою въ Версаліи здѣланный кабинетъ съ преудивительными вещами, которыя онѣ здѣсь за деньги показываютъ". Что показывали эти два савояра—приводимъ подлинное описаніе: „гдѣ можно видѣть персону короля французскаго съ королевою, дофиномъ и съ прінцессами, его величества дочерьми, также всю высокую фамилію его величества короля аглинскаго и всѣхъ знатнѣйшихъ міністровъ французскаго двора, въ совершенной величинѣ ихъ роста, въ платье и со всѣмъ уборомъ, въ которомъ они при дворѣ ходили, а потомъ для положенія на сіи подобія ихъ лицъ помянутымъ савоярамъ отдали". Послѣдняя фраза требуетъ поясненія: савояры получили одежду тѣхъ лицъ, восковыя фигуры—„подобія"—которыхъ они сдѣлали и одѣли въ эту, полученную въ подарокъ, одежду.

Какъ же были сдѣланы эти восковыя подобія? На этотъ вопросъ савояры сами даютъ отвѣтъ: „съ симъ кабинетомъ не только въ самой Франціи, но и во многихъ европейскихъ дворахъ были и отъ всѣхъ, которыя ево видѣли, особливую хвалу получили и не только чужестранныя, но при французскомъ дворѣ многія персоны, посмотря на вышереченныя подобія засвидѣтельствовали, что ихъ съ живыми лицами, которыя симъ художествомъ представляются, весьма трудно распознать".

Послѣ такого вступленія слѣдовало со стороны савояровъ приглашеніе къ петербуржцамъ въ слѣдующей формѣ: „Ежели кто сихъ диковинныхъ вещей смотрѣть пожелаетъ, тѣ бъ изволили днемъ или въ вечеру, въ самый послѣдней домъ на углу у большого лугу на дворѣ портнова иноземца Неймана у зеленаго мосту противъ погорѣлыхъ лавокъ приходить, а хозяинъ того двора называется г. Беркіе. За помянутое смотрѣніе берется съ персоны по произволенію, а именно по полуполтинѣ, по 2 гривеника и по 10 коп.".

Савояры прогостили въ Петербургѣ съ 1738 по 1739 годъ; ихъ смѣнилъ въ томъ же домѣ Неймана „пріѣхавшій сюда изъ нѣмецкой земли купецъ Іоганъ Даніэль Альбрехтъ". Въ 1743 году онъ привезъ „съ собою разные хорошіе и рѣдкіе товары изъ серпантинова камня, который не терпитъ ничего ядовитаго, изъ котораго имѣются у него разные сервизы, также чайныя и кофейныя доскани, въ которыхъ все свѣже содержать можно, также имѣетъ онъ изъ сего камня нѣкоторые полезные къ разнымъ болѣзнямъ" [46]).

Счастливое прошлое! достаточно было имѣть одинъ только сервизъ изъ „серпантинова" камня, и можно было быть увѣреннымъ, что никто не сможетъ отравиться, такъ какъ „серпантиновъ камень не терпитъ ничего ядовитаго".

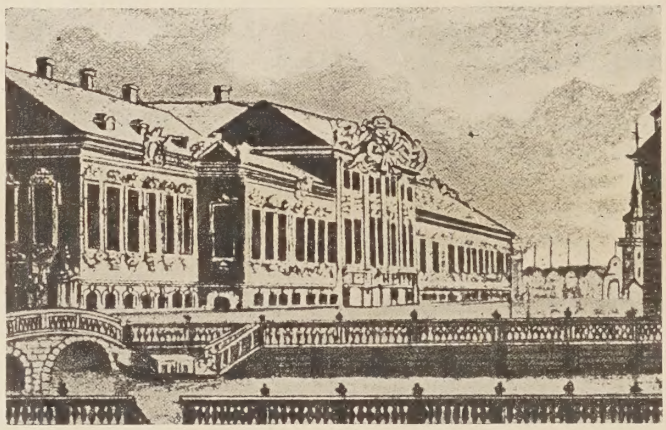
Близость дома Неймана къ проѣзжей дорогѣ, къ Адмиралтейству, къ Морскимъ слободкамъ—извѣстно, что моряки никогда не принадлежали къ трезвенникамъ — обратила на этотъ домъ вниманіе виноторговцевъ. Уже въ 1739 году „Іноземецъ Октавій Бартоломій Герценъ" [47]) продавалъ въ немъ „разныя водки, на подобіе гданскихъ водокъ здѣланныя, лучшіе сорта фляжка по 90 коп., а цѣлый ящикъ 43 рубля, въ которомъ 50 фляжекъ, да у него же продается недорогою цѣною, разныхъ сортовъ, а именно Шпанское, Алекантъ и другія хорошія виноградныя вина"; въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія здѣсь былъ „Итальянскій погребъ [48]), въ которомъ продавалось „аглинское пиво по 20 к. бутылка"; его смѣнилъ „Французскій винный погребъ" [49]), который продавалъ тоже пиво, но уже „по 10 копѣекъ бутылка"; кромѣ того, въ 40-хъ годахъ того же столѣтія здѣсь продавались „лучшія свѣжія устерсы (т. е. устрицы), привозимыя изъ Ревеля" [50]). Устрицы привозились въ декабрѣ мѣсяцѣ, и продажа ими продолжалась цѣлый январь мѣсяцъ. Кромѣ виноторговцевъ, этотъ домъ полюбили золотыхъ дѣлъ мастера [51]), часовщики, напримѣръ, жилъ здѣсь придворный часовщикъ Жанъ Фази, у котораго въ 1774 году были украдены „гладкіе золотые карманные часы, на французскій образецъ, съ гладкимъ золотымъ футляромъ, вырѣзанными краями и съ переломленнымъ у секундной стрѣлки концомъ и съ подписью мастера Carneci à Genève" [52]). Очень долго въ домѣ Неймана жилъ нѣкто французъ Шарпантье [53]) — онъ былъ учителемъ французскаго языка въ академической гимназіи, авторомъ первой русской грамматики „съ французскимъ переводомъ въ пользу желающихъ

обучаться языку россійскому". Шарпантье продавалъ свою грамматику по 1 рублю за экземпляръ. Но, нужно думать, продажа шла плохо, и предпріимчивый французъ, несмотря на свое положеніе учителя академической гимназіи, не замедлилъ открыть продажу болѣе выгоднаго товара—„самой хорошей пудры и крахмала бочками" [54]). Очевидно, торговля пудрою не повредила Шарпантье, такъ какъ ему была поручена продажа „новонапечатанной книжки Lettre d'un scythe franc et loyal ou rescitation du voyage de Sibérie publié par M. l'abbé Chappe" [55]); это опроверженіе записокъ аббата Шаппа продавалось по 25 к. за экземпляръ.

Но кѣмъ былъ Нейманъ? Біографическихъ данныхъ, кромѣ того, что онъ былъ „иноземецъ, портныхъ дѣлъ мастеръ", мы не нашли, но видимо онъ, пріѣхавъ въ Россію, съумѣлъ сдѣлаться богатымъ человѣкомъ и любилъ комфортъ, что ясно видно изъ распродажи послѣ его смерти оставшагося имущества: обстановка его была изъ краснаго дерева, при чемъ были какіе то особливые „кадрильные столы, фарфоровый сервизъ, двумѣстная карета и пара карихъ лошадей" [56]).

Въ 1778 году, какъ мы и указали выше, наслѣдники Неймана продали свой домъ купцу же Шаду, который имъ владѣлъ до 1794 года [57]), когда домъ купилъ какой то надворный совѣтникъ Стинтъ. При купцѣ Шадѣ домъ не измѣнилъ ни своей внѣшности, ни характера своихъ жильцовъ, хотя, вслѣдствіе того, что рядомъ появились значительные дома Чичерина и Овцына, большинство торговцевъ повыѣхало изъ бывшаго Нейманова дома. Оставался вѣрнымъ лишь голландскій торговецъ Ле Роа, который содержалъ здѣсь магазинъ подъ громкимъ наименованіемъ „Роттердамъ", гдѣ продавалъ „сельцерскую воду, хорошей шоколадъ а ла ванилъ, чернила, разныхъ сортовъ бумагу, сургучъ и перья" [58]).

Въ началѣ XVIII вѣка домъ перешелъ къ купцу Котомину, который и перестроилъ старый Неймановскій домъ въ существующее по сіе время четырехъэтажное зданіе.



Фиг. 3. Перспективный видъ деревяннаго зимняго дворца Елисаветы Петровны.

III.

Если бы у насъ не сохранилось вполнѣ документальныхъ данныхъ о постройкѣ на Мойкѣ у нынѣшняго Полицейскаго моста деревяннаго зимняго дворца Елисаветы Петровны (фиг. 3), и объ этой постройкѣ свидѣтельствовали только разсказы современниковъ—то можно было бы усомниться въ достовѣрности этихъ разсказовъ: такъ она была феерична, быстра и неправдоподобна.

Въ самомъ дѣлѣ, 3 февраля 1755 года читаемъ слѣдующее объявленіе: „Къ строенію новобудущаго на каменномъ фундаментѣ деревяннаго зимняго ея императорскаго величества дому желающимъ поставить бревенъ и досокъ разныхъ мѣръ, гвоздей желѣзныхъ разныхъ сортовъ, кирпича, извести, глины, песку, дикаго и пудожскаго камня, тосенской и путиловской плиты и мраморныхъ бѣлыхъ и черныхъ плитокъ и плитокъ же арменскихъ, бѣлилъ, мѣлу, стеколъ бемскихъ и зеленыхъ въ ящикахъ, масла постнаго, замковъ мѣдныхъ и желѣзныхъ, алебастра бѣлаго и сѣраго, ушатовъ, ведеръ, шаекъ, канату и клею не малое число, явиться въ канцелярію отъ строеній немедленно" [59]).

Изъ этого объявленія ясно, что до 3 февраля 1755 г. къ работамъ не приступали, матеріалъ еще не былъ заготовленъ и шла лишь разработка проекта. Очевидно, что послѣ помѣщенія этого объявленія должно было пройти нѣсколько дней, пока поставщики явились въ контору строеній, пока съ ними сторговались и пока они начали доставлять матеріалъ; слѣдовательно, къ самой постройкѣ приступили не ранѣе середины февраля.

Дальнѣйшій ходъ постройки былъ слѣдующій: 24 февраля вызывались „въ новобудущемъ деревянномъ зимнемъ ея императорскаго величества дворцѣ желающимъ исправить по чертежамъ столярною работою двери, окна, панели и карнизы — явиться немедленно" [60]); черезъ мѣсяцъ – 28 марта – уже требовалась поставка „холста и хрящу для подбивки потолковъ въ количествѣ до 30 тысячъ аршинъ и по цѣнѣ ниже 19 р. за 1000 аршинъ" [61]); 5 мая уже начали, „крыть желѣзомъ кровлю" [62]); 20 іюня приступили къ устройству иконостасовъ въ церквахъ дворца [63]), а 5 августа того же года подвозили для штукатурки дворца до 50 тыс. пуд. сѣраго рижскаго алебастра [64]), и наконецъ, 5 ноября 1755 года: „прошедшаго воскресенія въ 7-омъ часу по полудни изволили ея императорское величество всемилостивѣйшая наша государыня изъ лѣтняго дворца перейти въ новопостроенный на Невской перспективѣ деревянной зимней дворецъ, которой не токмо по внутреннему украшенію и числу покоевъ и залъ, коихъ находится болѣе ста, но и особливо потому достоинъ удивленія, что съ начала нынѣшней весны и такъ не болѣе какъ въ 6 мѣсяцевъ съ фундаментомъ построенъ и отдѣланъ" [65]). Прилагаемый планъ этого дворца (фиг. 4), найденный нами въ архивѣ министерства двора [66]), ясно свидѣтельствуетъ, что въ описаніи современниковъ не было преувеличенія.

Дворецъ, дѣйствительно, производилъ грандіозное впечатлѣніе: онъ протянулся главнымъ своимъ фасадомъ по Мойкѣ, занимая все пространство отъ Невскаго проспекта до Кирпичнаго переулка. Главный подъѣздъ дворца выходилъ на уголъ Невскаго и Мойки. По широкой лѣстницѣ поднимались въ длинную, состоявшую изъ четырехъ соединенныхъ залъ, „новую галлерею", гдѣ происходили пріемы, балы и разныя дворцовыя торжества. Недалеко отъ входа, изъ второго зала галлереи, былъ входъ въ тронный залъ, въ которомъ, на противоположномъ входу концѣ, на особомъ возвышеніи помѣщался тронъ.

Намъ не удалось найти изображенія троннаго мѣста императрицы Елисаветы Петровны, но, желая дать хоть

приблизительное представленіе о тронномъ залѣ, мы помѣщаемъ здѣсь изображеніе трона императрицы Екатерины II: болѣе чѣмъ вѣроятно, что тронъ Елисаветы Петровны малымъ отличался отъ трона Екатерины II; по крайней мѣрѣ, бывшее на Елисаветинской выставкѣ тронное кресло Елисаветы Петровны ясно свидѣтельствовало о великолѣпіи и богатствѣ троннаго зала (Фиг. 5).

За троннымъ заломъ была каменная пристройка — громадная кухня съ многочисленными очагами.

Въ тронномъ залѣ императрица Елисавета Петровна неоднократно угощала своихъ сподвижниковъ по восшествію на престолъ — лейбъ-компанцевъ. Для этого здѣсь разставлялись особые столы, носившіе спеціальное названіе „банкетныхъ". Рисунокъ этихъ столовъ, которымъ давались разнообразныя формы, составлялъ обыкновенно Растрелли; приводимъ здѣсь два рисунка такихъ столовъ (Фиг. 6 и 7)[67].

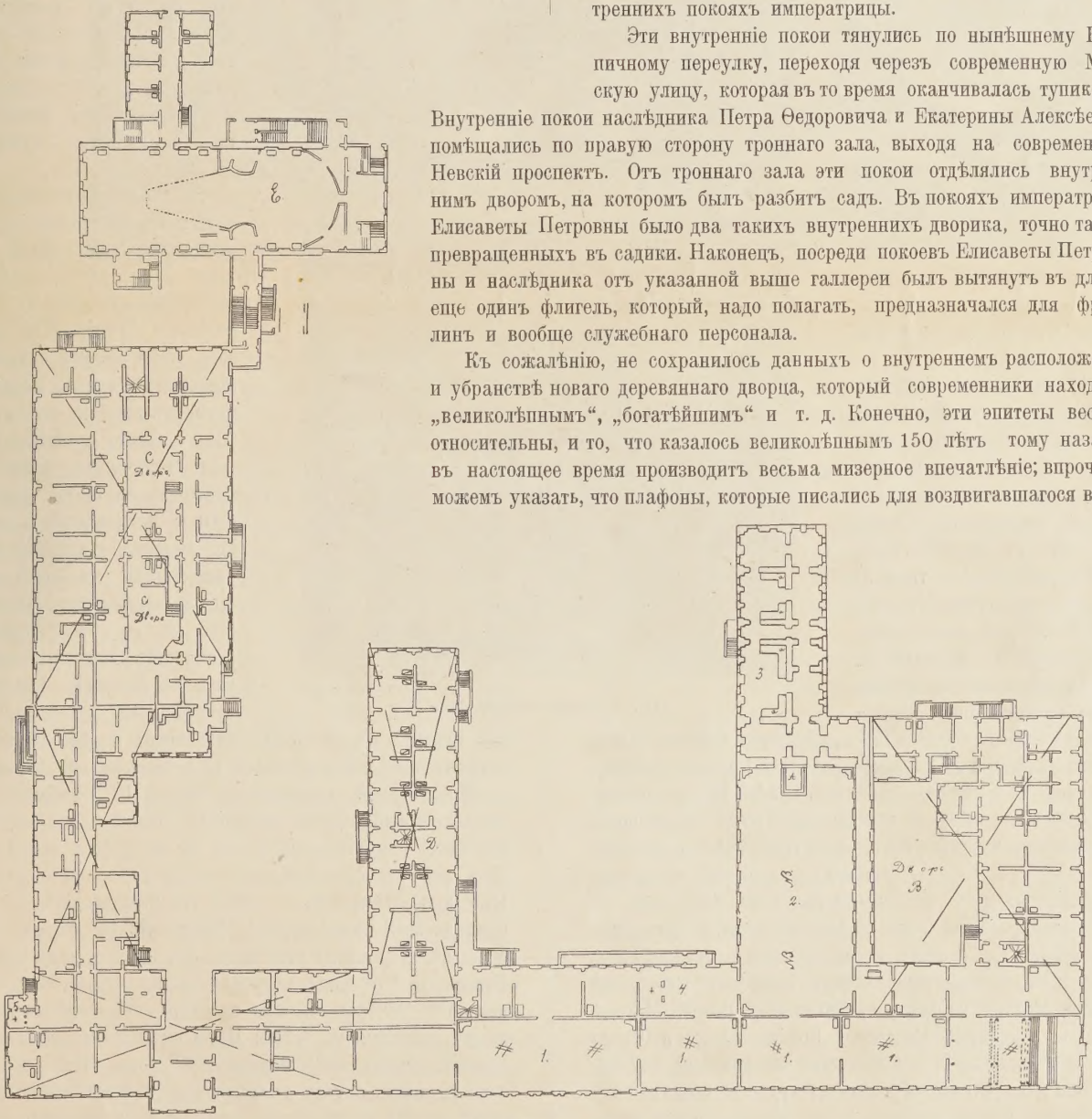
„По полудни въ 9-омъ часу изволила ея императорское величество въ галеріи, какъ господъ оберъ и унтеръ офицеровъ, такъ и рядовыхъ лейбъ-компаніи — читаемъ мы въ современномъ описаніи — жаловать къ рукѣ, а въ 11 часу прибыть въ большую залу и кушать тамъ вечернее кушаніе со всѣми оной лейбъ-компаніи господами оберъ и унтеръ офицерами и рядовыми. За первымъ столомъ, гдѣ ея императорское величество присутствовать изволила, накрыто было 38, а за прочими фигурными столами, гдѣ сидѣли рядовые лейбъ-компаніи — 225 кувертовъ" [68]).

За недолгія 6 лѣтъ существованія описываемаго нами дворца тронный залъ подвергался неоднократнымъ исправленіямъ и улучшеніямъ. Особенно значительный ремонтъ былъ сдѣланъ въ 1757 году, когда въ этомъ залѣ начались совѣщанія союзниковъ семилѣтней войны. На одну позолоту зала по проекту Растрелли было истрачено 3.340 рублей [69]).

Съ лѣвой стороны зала былъ входъ въ церковь, которая помѣщалась въ особой пристройкѣ, имѣющей входъ и со двора. Кромѣ этой церкви, предназначавшейся для офиціальныхъ богослуженій, была еще другая, во внутреннихъ покояхъ императрицы.

Эти внутренніе покои тянулись по нынѣшнему Кирпичному переулку, переходя черезъ современную Морскую улицу, которая въ то время оканчивалась тупикомъ. Внутренніе покои наслѣдника Петра Ѳедоровича и Екатерины Алексѣевны помѣщались по правую сторону троннаго зала, выходя на современный Невскій проспектъ. Отъ троннаго зала эти покои отдѣлялись внутреннимъ дворомъ, на которомъ былъ разбитъ садъ. Въ покояхъ императрицы Елисаветы Петровны было два такихъ внутреннихъ дворика, точно также превращенныхъ въ садики. Наконецъ, посреди покоевъ Елисаветы Петровны и наслѣдника отъ указанной выше галлереи былъ вытянутъ въ длину еще одинъ флигель, который, надо полагать, предназначался для фрейлинъ и вообще служебнаго персонала.

Къ сожалѣнію, не сохранилось данныхъ о внутреннемъ расположеніи и убранствѣ новаго деревяннаго дворца, который современники находили „великолѣпнымъ", „богатѣйшимъ" и т. д. Конечно, эти эпитеты весьма относительны, и то, что казалось великолѣпнымъ 150 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время производитъ весьма мизерное впечатлѣніе; впрочемъ можемъ указать, что плафоны, которые писались для воздвигавшагося въ то



Фиг. 4. Планъ дворца.

время каменнаго зимняго дворца, временно помѣщались въ деревянномъ дворцѣ.

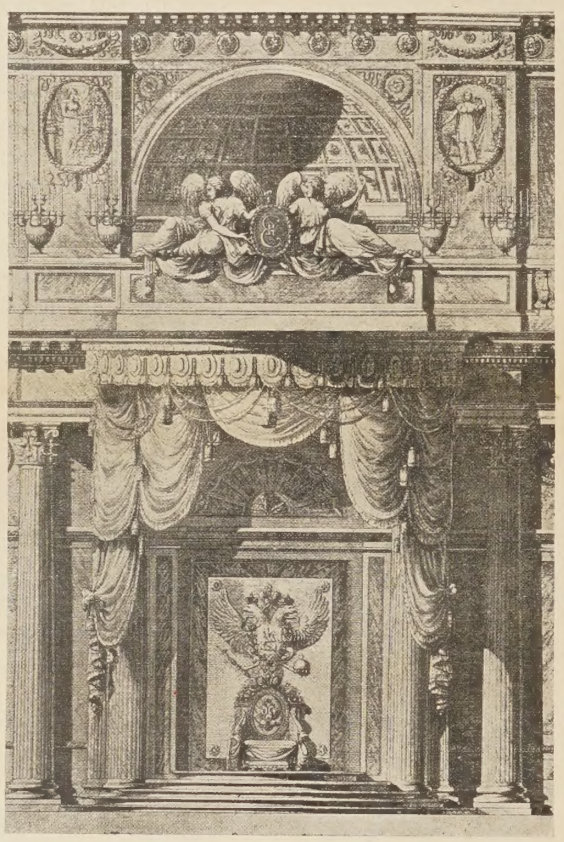
Болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о церкви, остатки которой сохранились и до нашего времени.

Въ апрѣлѣ 1767 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе „изъ бывшей въ зимнемъ дворцѣ церкви иконостасъ съ уборами и каѳедру отдать бывшему придворному купчинѣ Григорію Безсчастному по описи съ роспискою для поставленія въ новоустроенную на Невскомъ проспектѣ у Лигова канала церковь, и что отдано будетъ, рапортовать въ канцелярію о строеніи“ [70]).

Построенная въ 1767 году, эта церковь извѣстна въ настоящее время подъ названіемъ Знаменской, а офиціальное ея названіе — „церковь во имя входа Господня во Іерусалимъ“. Изъ описи мы видимъ, что былъ перенесенъ иконостасъ, писанный въ византійскомъ стилѣ масляными красками на холстѣ; онъ находится въ придѣлѣ Знаменія Божіей Матери. Кромѣ этого иконостаса, были перенесены десять образовъ, крестъ, напрестольное евангеліе и священные сосуды. Образа были слѣдующіе: 1) Коронованія Божіей Матери, писанный на декѣ масляными красками въ деревянной рѣзной вызолоченной рамѣ съ рѣзными херувимами; 2) Спасителя, сидящаго на престолѣ съ Богородицею, Іоанномъ Предтечею и ангелами по сторонамъ; писано на холстѣ масляными красками греческою рукою, вѣнцы ликовъ вызолочены; 3) моленіи о чашѣ, на холстѣ, писано масляными красками; 4) Нерукотвореннаго Спаса, на декѣ, въ серебряной кованой ризѣ; 5) распятія Христа съ апостолами Петромъ и Павломъ, св. праведными Захаріемъ и Елисаветою, св. Дмитріемъ цесаревичемъ и великомученицею Екатериною; писанъ на декѣ 1752 г., украшенъ короною и вензелемъ императрицы Елисаветы, длиною 1 арш. 2 вершк., шириною 14 вершк.; 6) знаменія Божіей Матери, писано на декѣ въ серебряной вызолоченной ризѣ, съ вѣнцомъ, на которомъ корона, украшенная гранеными каменьями, въ серебряной оправѣ; тутъ же двунадесятые праздники, писанные на декѣ масляными красками, безъ ризы, въ рѣзномъ деревянномъ вызолоченномъ кіотѣ и приложенъ еще образъ Св. Троицы, писанный масляными красками, съ вензелями, поддерживающими корону; 7) Скорбящей Божіей Матери, на декѣ; 8) Тихвинской Божіей Матери, писано на декѣ; 9) Казанской Божіей Матери и 10) св. праведныхъ Захарія и Елисаветы, живописный на декѣ. Большинство этихъ образовъ „усердіемъ“ позднѣйшихъ прихожанъ реставрировано, т. е. сдѣланы новыя ризы, вызолочены и „исправлены“ живописныя работы. Мы называемъ въ настоящее время подобное усердіе проявленіемъ вандализма.

Наконецъ, позднѣе былъ пристроенъ къ деревянному дворцу и каменный театръ (фиг. 4, *E*). Точное время его пристройки, а также имя архитектора, строившаго этотъ театръ, неизвѣстны; извѣстно только, что 27 декабря 1757 года состоялось распоряженіе „о назначеніи на это число представленія русской трагедіи *въ новопостроенномъ* оперномъ домѣ около новаго зимняго деревяннаго дворца“ [71]). Опредѣленіе театра, какъ новопостроеннаго, до извѣстной степени позволяетъ заключить, что театръ построенъ лѣтомъ 1757 года. Мы еще вернемся къ этому театру, когда будемъ говорить о мастерской Фальконета.

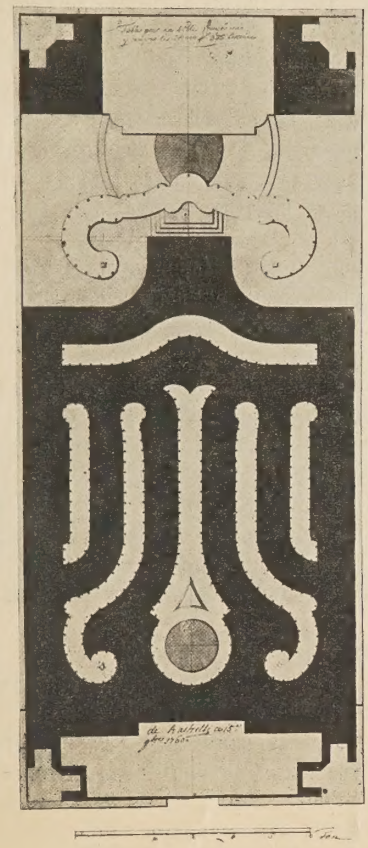
Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ подъ 25 декабря 1761 года записано: „25 числа во вторникъ, т. е. въ день Рождества Христова, ихъ императорскія высочества изволили слушать обѣдню въ малой комнатной церкви, а пополудни въ 4 часу ея імператорское величество по волѣ всемилостивѣйшаго Бога переселилась въ вѣчное блаженство“.



Фиг. 5. Тронъ императрицы.

За такимъ печальнымъ извѣстіемъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ слѣдомъ же было записано распоряженіе о присягѣ новому императору Петру III, при чемъ „генералитету, знатному шляхетству, дамамъ первыхъ четырехъ классовъ имѣть пріѣздъ ко двору его імператорскаго величества всѣмъ въ цвѣтныхъ платьяхъ, дамамъ быть въ робронахъ“, а дальше слѣдовало и описаніе перваго вечера: „въ 7-омъ часу его императорское величество и ея императорское величество изволили шествовать въ большую придворную церковь... кушать вечернѣе кушаніе въ числѣ 33 кавалеровъ и 44 дамскихъ персонъ, оной столъ кончился во 2-омъ часу пополуночи“.

При первой возможности, Петръ III переѣхалъ въ недостроенный зимній каменный дворецъ. Въ недолгіе дни своего царствованія Петръ III не успѣлъ отдать какихъ либо распоряженій относительно деревяннаго дворца Елисаветы Петровны,— дѣло его разрушенія всецѣло принадлежитъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая вообще очень ревниво относилась къ памяти своей тетки Елисаветы Петровны, искренно желая, чтобы эта память поскорѣе исчезла. Весьма понятно, что существованіе дворца на видномъ мѣстѣ Петербурга не могло способствовать искорененію памяти; наоборотъ, этотъ дворецъ ясно говорилъ о тѣхъ дняхъ, когда на Россійскомъ престолѣ царила не нѣмецкая принцесса, а законная дочь Петра Великаго.



Фиг. 6 и 7. Фигурные столы.

14 января 1765 года [72]) былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ разобрать одинъ изъ флигелей зимняго деревяннаго дворца и перевезти его въ село Красное. На нашемъ планѣ (фиг. 4) части дворца, подлежавшія перевозкѣ въ село Красное, зачеркнуты пунктирными линіями. Можетъ быть, одновременно съ этой перевозкою, а можетъ быть и нѣсколько позднѣе—была разобрана и деревянная галлерея зимняго дворца (рядъ помѣщеній подъ цифрой 1, обозначенный на фиг. 4 крестиками); эта галлерея была перевезена въ канцелярію отъ строеній. Такимъ образомъ оставались нетронутыми тронный залъ (фиг. 4, *NB*), кухня и театръ. Непривѣтливымъ, даже безобразнымъ казался тогда перекрестокъ Морской и Невскаго. Пепелище пожара 1737 года замѣнилось картиною разрушенія дворца. А между тѣмъ близость этого участка къ зимнему дворцу и все возраставшее значеніе „Невскаго“ проспекта, какъ главной улицы столицы, говорили о необходимости регулировать и этотъ участокъ.

IV.

Луговая Милліонная улица—нынѣшняя Морская между аркою генеральнаго штаба и Невскимъ проспектомъ—перестала уже быть Луговою, такъ какъ начала застраиваться и ея правая сторона. И однимъ изъ первыхъ домовъ появился угловой домъ на Невскій проспектъ противъ уже описаннаго нами дома портного Неймана. Въ XVIII вѣкѣ домъ этотъ принадлежалъ генералу Овцыну, хотя былъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ „трактиръ городъ Лондонъ имянуемый“.

Генералъ-поручикъ Иванъ Ларіоновичъ Овцынъ получилъ участокъ „по Невской перспективѣ слишкомъ на 20, а по Луговой на 17 саженяхъ“ [73]) въ 1765 или 1766 году; по крайней мѣрѣ, съ этого времени начинаютъ появляться свѣдѣнія объ этомъ домѣ [74]). Конечно, хроника этого дома первое время немногимъ отличалась отъ хроники уже описаннаго нами дома Неймана. Если въ послѣднемъ были савояры, то въ домѣ Овцына „живущіе италіанцы показываютъ разныя механическія и математическія въ 36 перемѣнахъ состоящія представленія объ осадахъ, иллюминаціяхъ, путешествіяхъ по морю, о буряхъ, потопахъ, фейерверкахъ съ 3 по 10 часовъ пополудни. Съ каждаго смотрителя брано будетъ по 25 коп., а знатныя особы платить могутъ особо“ [75]) Очевидно, итальянцы привезли что нибудь вродѣ камеръ-обскуры или перваго волшебнаго фонаря. Трактирщики дома Неймана смѣнились „французскимъ пирожникомъ“, который „дѣлаетъ разные паштеты и гамбурскіе говяжьи языки для путешествующихъ“ [76]) и „продаетъ дорожный буліонъ по 3 рубля фунтъ“ [77]). Существовалъ, конечно, и въ этомъ домѣ винный погребъ.

Но была и разница между домами Неймана и Овцына. Домъ Неймана былъ двухъэтажный, домъ Овцына—четырехъэтажный: „на Адмиралтейской части по Невской перспективой на углу Морской, что прежде звалась Луговая, продается каменный домъ о 4 этажахъ его превосходительства генералъ-порутчика и кавалера Ивана Ларіоновича Овцына“ [78]), слѣдовательно, этотъ домъ имѣлъ больше помѣщенія. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовался предпріимчивый иностранецъ Гейденрейхъ. Въ концѣ апрѣля 1773 года весь Петербургъ былъ

обклеенъ объявленіями слѣдующаго текста: „Гейденрейхской трактиръ, городъ Лондонъ называемый, переведенъ будетъ будущаго мая 1 дня въ Овцыновой домъ на уголъ къ Малой Милліонной“ [79]).

Трактиръ „городъ Лондонъ имянуемый“ являлся для Петербурга XVIII столѣтія тѣмъ же, чѣмъ до послѣдняго времени была Европейская гостиница, а въ наши дни является гостиница Асторія. Дѣйствительно, мы читаемъ слѣдующія строки: „города Лондона трактирщикъ Гейденрейхъ въ Санктпетербургѣ рекомендуетъ чрезъ сіе иностраннымъ и здѣшнимъ сюда пріѣзжающимъ господамъ для приставанія свою посреди города лежащую и снабженную всякимъ удовольствіемъ квартиру, въ которой недавно стояли изъ Москвы сюда проѣзжей королевской дацкой посланникъ и изъ Архипелага сюда прибывшей патріархъ константинопольскій, также нѣсколько дней его свѣтлость наслѣдный принцъ гессенъ-дармштатской въ проѣздъ его изъ Москвы въ нѣмецкую землю, и при отъѣздѣ ихъ милостивое удовольствіе какъ въ квартирѣ, такъ и въ угощеніи оказали“ [80]).

Какъ колоритно это объявленіе и какъ интересно оно по своимъ выраженіямъ, показывающимъ развитіе нашего современнаго разговорнаго языка! Какія, самыя обыкновенныя въ наши дни, слова еще не были въ употребленіи у нашихъ предковъ, которые должны были ихъ выдумывать: вмѣсто „удобство“ говорилось „снабженная всякимъ удовольствіемъ“, „занять номеръ въ гостиницѣ“ обозначалось словомъ „приставаніе“; наконецъ, какъ изыскано выражена мысль, что квартиранты оставались довольны квартирою: „ихъ милостивое удовольствіе какъ въ квартирѣ, такъ и въ угощеніи оказали“.

Но Гейденрейхъ имѣлъ своими посѣтителями не только наслѣднаго принца гессенъ-дармштатскаго: у него останавливался и императоръ Іосифъ II австрійскій, когда подъ прозвищемъ графа Фолькенштейна онъ прибылъ „инкогнито“ въ сѣверную Пальмиру къ сѣверной Семирамидѣ. Здѣсь же жилъ и извѣстный „аглинской докторъ Грагаль“ [81]); наконецъ, здѣсь же внизу, въ погребахъ обитала немалая извѣстность того времени—парикмахеръ Лундъ, у котораго продавались „разнаго цвѣту и длины дамскіе и мужскіе пукли, шиніоны, все—новѣйшей моды, и на разной манеръ приготовленныя волосы за умѣренную цѣну, также привезенныя имъ недавно изъ Франціи двѣ болонскія собаки и шубы“ [82]).

Гейденрейхъ настолько разбогатѣлъ, что пріобрѣлъ себѣ домъ на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади (по правой сторонѣ отъ Адмиралтейства), въ который и перевелъ свой трактиръ. Домъ этотъ сравнительно недавно перестроенъ однимъ изъ петербургскихъ банковъ. Той же участи подвергся и другой домъ Екатерининскихъ временъ—„домъ покойнаго генералъ-аншефа и кавалера Василія Ермолаевича Скворцова дочери, дѣвицы Елисаветы Васильевны“ [83]). Этотъ домъ помѣщался на углу Невскаго проспекта и нынѣшней улицы Гоголя (не переходя послѣднюю) и уже въ 1774 году былъ четырехъэтажнымъ „мѣрою во дворѣ поперешника 16 длинника 27 саженъ“. На мѣстѣ его воздвигнуто итальянское палаццо на манеръ дворца Дожей, резиденція нынѣшнихъ правителей міра—„банкирской конторы“. Эта перестройка уже вполнѣ нашихъ дней, и нельзя не пожалѣть того скромнаго, изящнаго дома съ интересными барельефами, которому удалось простоять почти 150 лѣтъ, такъ какъ онъ былъ построенъ въ самомъ началѣ царствованія императрицы Екатерины II.

Еще нѣсколько словъ о домѣ Овцына. Не успѣлъ трактирщикъ Гейденрейхъ перевести свой трактиръ въ новое помѣщеніе, какъ господа Надирвель и Дени уже объявляли, что они „содержатъ теперь въ Луговой Милліонной, на углу трактиръ городъ Парижъ, что прежде сего былъ городъ Лондонъ, и отдаютъ въ наемъ убранные покои“ [84]).

Но трактиру „городъ Парижъ“ не удалось замѣнить трактиръ „городъ Лондонъ“: конкуренція была слишкомъ непосильна, и „городъ Лондонъ“ продолжалъ считаться лучшею гостиницею и въ XIX вѣкѣ.

Овцынъ владѣлъ своимъ домомъ съ 1766 по 1793 годъ; дальнѣйшими владѣльцами этого дома были: Васильчиковъ (1793—1869 г.г.), Р. Я. Кохунъ (1874 г.) и гр. Зубовъ (1880—1903 г.г.).

Отмѣтимъ кстати, что въ домѣ гр. Зубова [85]) открылось и помѣщалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собраніе инженеровъ путей сообщенія.

V.

Какъ видно изъ предыдущаго, угловыя мѣста (по Невскому и Морской, по Невскому и нынѣшней улицѣ Гоголя) въ 60-хъ годахъ XVIII столѣтія стали застраиваться четырехэтажными домами (Овцына, Скворцовой), а участокъ, бывшій подъ Елисаветинскимъ дворцомъ, все еще лежалъ втунѣ. На него и обратило вниманіе то лицо, которое должно было вообще слѣдить за порядкомъ въ Петербургѣ—с.-петербургскій генералъ-полицмейстеръ Н. И. Чичеринъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ убѣдилъ императрицу Екатерину II въ необходимости проложить Большую Морскую улицу до Невскаго проспекта. Этою прокладкою улицы бывшій участокъ Елисаветинскаго дворца разбился на два: первый—между Невскимъ проспектомъ и Кирпичнымъ переулкомъ съ одной стороны и Мойкою и Морской съ другой стороны, и второй—между Невскимъ проспектомъ, Большой и Малой Морскими и Кирпичнымъ переулкомъ. Второй участокъ, на которомъ еще возвышался бывшій театръ деревяннаго зимняго дворца, оставался въ вѣдѣніи дворцоваго вѣдомства, а первый былъ разбитъ на два, изъ коихъ угловой участокъ къ Невскому проспекту и былъ пожалованъ императрицею Екатериною II въ 1767 году „его высокопревосходительству г. сенатору и генералъ-полицмейстеру Николаю Ивановичу Чичерину“, который не замедлилъ приступить къ постройкѣ здѣсь дома.

„Къ строенію дома его высокопревосходительства сенатора и генералъ-полицмейстера Николая Ивановича Чичерина желающимъ подрядиться вырывать рвы подъ фундаментъ для поклажи лежневъ и фундамента—читаемъ мы объявленіе отъ 7 іюля 1768 года — у Полицейскаго моста противъ Строгонова двора явиться для подряду въ провіантскихъ запасныхъ полицейскихъ магазиновъ конторѣ, что на Крюковомъ каналѣ“ [86]).

Такимъ образомъ постройка части донынѣ существующаго дома бр. Елисѣевыхъ, выходящей на уголъ Невскаго проспекта, Морской улицы и набережной Мойки, началась лѣтомъ 1768 года. Мы можемъ вполнѣ подробно прослѣдить весь ходъ постройки этого дома и думаемъ,

Фиг. 8. Видъ дома Чичерина.

что это будетъ не безынтересно, такъ какъ до извѣстной степени выяснить условія домостроительства въ Екатерининское время.

Лѣтомъ 1768 г. вырыли только рвы подъ фундаментъ и устроили послѣдній, а въ маѣ слѣдующаго 1769 года было предложено „къ строенію дома г. генералъ-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина желающимъ поставить каменщиковъ до 150 человѣкъ явиться въ конторѣ запасныхъ полицейскихъ магазиновъ“ [87]); еще черезъ годъ читаемъ: „желающіе сдѣлать въ домѣ его превосходительства генералъ-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина деревянные полы и лесницы и поставить подъ крышу стропила явиться могутъ въ конторѣ запасныхъ полицейскихъ магазиновъ, состоящихъ на Крюковомъ каналѣ“ [88]); въ іюлѣ того же 1770 года: „желающимъ подрядиться подмазать и штукотурною работою исправить домъ его превосходительства генералъ-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, что на Мьѣ рѣкѣ у Полицейскаго моста, явиться у него самого“ [89]), и наконецъ 25 декабря 1771 г. „у его превосходительства г. генералъ-полицмейстера въ новомъ домѣ, что на Невской перспективѣ, желающимъ нанять нѣсколько покоевъ о цѣнѣ спросить въ помянутомъ домѣ у дворецкаго Ивана Ильина“ [90]).

Такимъ образомъ домъ строился четыре строительныхъ сезона: сперва устроили фундаментъ и дали ему вполнѣ основательно отстояться въ теченіе цѣлой зимы, затѣмъ возвели стѣны, которыя тоже простояли зиму, и только черезъ годъ приступили къ постановкѣ стропилъ и устройству крыши; наконецъ, послѣ оштукатурки дома онъ еще цѣлое лѣто отдѣлывался внутри.

Послѣ постройки дома Чичерина видъ описываемаго нами перекрестка былъ слѣдующій: на обширной площади возвышался домъ съ колоннами, на Мойку за этимъ домомъ тянулся низенькій заборъ; заборомъ же былъ огороженъ участокъ между Большою и Малою Морскими, Кирпичнымъ переулкомъ и Невскимъ проспектомъ.

Понятно, что выгодное положеніе дома и сравнительное удобство устроенныхъ въ немъ помѣщеній привлекали въ домъ Чичерина не только жильцовъ, но и главнымъ образомъ торговцевъ. Уже съ 1772 года въ домѣ Чичерина поселился итальянскій купецъ Бертолоти, который открылъ здѣсь „овощную лавку, называемую Болонья, въ которой производится по иностранному манеру продажа въ розницу чай, сахаръ, кофей, винныя ягоды, миндали, изюмъ, черносливъ, сыръ, масло пермазанское, италіанскія колбасы, рисъ, перловая крупа и протчія ко столу принадлежащія вещи“ [91]). Отмѣтимъ характерную особенность XVIII вѣка: магазины и лавки въ то время назывались именами тѣхъ городовъ, изъ которыхъ выѣзжали ихъ владѣльцы. Такъ Бертолоти былъ выходцемъ Болоньи, и лавка его звалась „городъ Болонья“; въ томъ же домѣ Чичерина много лѣтъ подрядъ существовала лавка „городъ Амстердамъ“ [92]), владѣльцемъ которой былъ амстердамскій купецъ, и т. д. Въ 1774 году въ домѣ Чичерина была заведена „вольная типографія“, въ которой продавались „нѣмецкіе и голландскіе конессементы и нѣмецкія, голландскія и французскія вѣдомости за настоящую цѣну“ [93]) и въ концѣ того же года „прежде бывшая здѣсь у морского рынка въ домѣ купца Шарова императорскаго московскаго университета лавка книжная переведена въ домъ его превосходительства г. генералъ-полицмейстера Чичерина у самаго зеленаго мосту, гдѣ продаваемымъ книгамъ и реестры (т. е. каталоги) безденежно отпускаются“ [94]).

7 декабря 1777 года генералъ-полицмейстеръ Н. И. Чичеринъ былъ уволенъ въ отставку, а въ 1782—83 г.г. онъ умеръ [95]), и домъ перешелъ къ его старшему сыну „государя наслѣдника его высочества кирасирскаго полка вице-полковнику Александру Николаевичу Чичерину“, который, провладѣвъ домомъ до 1792 года, продалъ его князю Куракину.

Къ нѣкоторымъ странностямъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина принадлежала и какая—то страсть къ пріобрѣтенію и продажѣ домовъ въ С.-Петербургѣ. Списокъ домовъ, которыми владѣлъ князь въ столицѣ, былъ значителенъ, но обыкновенно, пріобрѣтя домъ, князь продавалъ его черезъ нѣсколько лѣтъ и, видимо, всегда съ убыткомъ. То же самое произошло и съ домомъ Чичерина. Купивъ этотъ послѣдній, князь А. Куракинъ тотчасъ приступилъ къ устройству флигеля по Мойкѣ; флигель этотъ былъ построенъ въ 1794 году [96]) и былъ въ три этажа (нынѣ существующій 4-й этажъ былъ возведенъ впослѣдствіи), а въ 1799 году мы уже читаемъ такое объявленіе: „въ 1-ой Адмиралтейской части д. № 81 Алексѣя Борисовича князя Куракина каменный о 4 этажахъ домъ со всѣми принадлежащими строеніями, особымъ по Мойкѣ о 3 этажахъ домомъ продается. Оный по выгодному своему мѣстоположенію приноситъ знатный съ найма доходъ, которой еще можетъ быть пріумноженъ, а къ лучшей выгодѣ покупщика деньги, слѣдующія за него, приняты будутъ переводомъ долгу хозяина онаго“ [97]).

Домъ былъ пріобрѣтенъ банкиромъ Абрамомъ Перецомъ, который, провладѣвъ имъ до 1806 года, перепродалъ его именитому мѣщанину Андрею Ивановичу Косиковскому. Отъ послѣдняго въ 50—60 годахъ домъ перешелъ къ петербургскимъ купцамъ братьямъ Елисѣевымъ, которые владѣютъ этимъ домомъ и понынѣ.

Косиковскій въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія при-

строилъ къ двумъ существующимъ домамъ еще третій— по Б. Морской улицѣ. Такимъ образомъ, нынѣшній домъ заключаетъ въ себѣ три постройки: основную генерала Чичерина 1769—1771 г.г., боковую по Мойкѣ кн. Куракина 1792—1794 г.г. (съ позднѣйшей надстройкою четвертаго этажа) и боковую по Морской улицѣ—Косиковскаго 20-хъ годовъ XIX столѣтія.

Хроника дома Чичерина—Куракина—Косиковскаго—Елисѣева представляетъ замѣчательно интересную страничку изъ исторіи Петербурга. Въ XVIII вѣкѣ здѣсь долгое время обитало „музыкальное общество", или „музыкальный клубъ", и домъ тогда назывался не домомъ Чичерина, а клубнымъ домомъ. Затѣмъ здѣсь былъ „бюргеръ-клубъ" — мѣщанское собраніе съ его веселыми, шумными маскарадами, „происходившими въ огромномъ, довольно дурно освѣщенномъ залѣ. Здѣсь безпрерывные танцы, вѣчное веселіе—писалъ хроникеръ того времени—говоръ, хохотъ, затѣйливые костюмы, заимствованные изъ балетовъ и оперъ, пастушки, колонистки, береты, русскіе сарафаны, французскіе кафтаны и бархатныя испанскія мантіи, взятыя на прокатъ у костюмеровъ въ Офицерской улицѣ"[98]). Нѣсколько разъ средній этажъ занимало и благородное собраніе; пѣли въ немъ цыгане, давали свои представленія заѣзжіе фокусники и фигляры; въ 1851 г. писали, что „всѣмъ извѣстный здѣсь фортепіанный фабрикантъ Лихтенталь нанялъ для своего магазина великолѣпное помѣщеніе въ домѣ Косиковскаго, въ которомъ былъ клубъ, или малое мѣщанское собраніе, возобновилъ эти прекрасныя комнаты, устроилъ въ нихъ свой магазинъ, а залъ оставилъ для концертовъ. Въ залѣ могутъ помѣщаться болѣе 600 особъ; Лихтенталь намѣренъ отдавать свою залу для концертовъ только извѣстнымъ артистамъ, одобряемымъ высшимъ обществомъ" [99]). Наконецъ, въ этомъ же залѣ, въ расцвѣтъ массонскихъ обществъ, очень часто устраивала свои засѣданія одна изъ петербургскихъ массонскихъ ложъ.

На одной изъ выставокъ, бывшихъ въ этомъ домѣ,—выставкѣ модели Петербурга [100])—мы остановимся нѣсколько подробнѣе, такъ какъ эта выставка имѣетъ извѣстное отношеніе и къ архетектурѣ.

4 іюня 1824 года статсъ-секретарь тайный совѣтникъ, сенаторъ Кикинъ извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ, что государь императоръ Александръ I далъ свое высочайшее согласіе на просьбу венеціанскаго дворянина Антона де Росси, который хотѣлъ устроить модель царствующаго града С.-Петербурга и просилъ выдать ему на устройство модели десятилѣтнюю привилегію и не брать съ него пошлинныхъ денегъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду высочайшее согласіе, доносилъ государственному совѣту на предметъ опубликованія этой привилегіи. Государственный совѣтъ въ засѣданіи 7 сентября 1824 г. разсмотрѣлъ рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ и просьбу Росси и, найдя, что его модель, хотя и не представляетъ чего либо имъ изобрѣтеннаго—привилегія давалась лишь на вновь изобрѣтаемое—тѣмъ не менѣе требуетъ для выполненія много труда и умѣнья, полагалъ выдать привилегію, каковая и была распубликована 28 января 1826 г.

Свою модель Росси составилъ слѣдующимъ образомъ. Ему былъ выданъ изъ главнаго штаба точный планъ С.-Петербурга, который онъ значительно увеличилъ: 1 аршинъ составленнаго Росси плана равнялся 240 аршинамъ натуры. Этотъ планъ наносился на доски, представлявшія такимъ образомъ фундаментъ будущей модели. Каждая доска была не болѣе 2 кв. аршинъ, чтобы ихъ было легко переносить. Всѣ строенія въ городѣ дѣлались съ натуры какъ съ лицевой, такъ и съ надворной стороны улицъ, со всѣми принадлежащими имъ украшеніями и колоннами. Дома дѣлались изъ картона, крыши изъ свинца, мосты и колонны изъ дерева, Нева и каналы изъ бѣлой жести, статуи—изъ алебастра.

Антонъ де Росси офиціально звался итальянцемъ, родомъ изъ Венеціи, дворяниномъ. Но въ это же время въ Петербургѣ былъ архитекторъ Карлъ Ивановичъ Росси (родился 12 декабря 1775 г., умеръ 6 апрѣля 1849 года), извѣстный такими колоссальными постройками, какъ зданіе главнаго штаба, Михайловскій дворецъ, Александринскій театръ, Публичная библіотека, дома дирекціи императорскихъ театровъ и министерства внутреннихъ дѣлъ и т. д. Карлъ Ивановичъ Росси тоже былъ итальянецъ и тоже родомъ изъ Венеціи. Очевидно, что Антонъ Росси былъ родственникомъ Карла Ивановича Росси, который, войдя въ Петербургѣ въ значеніе и силу, не позабылъ своихъ итальянскихъ родственниковъ и оказывалъ имъ содѣйствіе. По всей вѣроятности, К. И. Росси помогалъ Антону де Росси въ дѣлѣ устройства его модели, надъ изготовленіемъ которой работали г.г. Кавосъ и Буя (замѣтимъ, что баронъ Н. Врангель въ своемъ предисловіи къ описанію музея императора Александра III невѣрно приписываетъ модель Петербурга Карлу Ивановичу Росси).

Свою модель Антонъ де Росси выставилъ для обозрѣнія въ извѣстномъ намъ домѣ Косиковскаго. „Кто хочетъ испытать очарованіе искусства и посмотрѣть на Сѣверную Пальмиру въ магическомъ ея видѣ, тотъ пусть идетъ въ домъ Косиковскаго и взглянетъ на такъ называемый планъ модели С-Петербурга, составленный подъ руководствомъ де Росси. Плата за входъ 2 р. 40 к. съ персоны" [101]).

Судя по описанію того времени, модель была, дѣйствительно, художественнымъ произведеніемъ, но охотниковъ посмотрѣть на нее въ Петербургѣ нашлось немного: Росси выбралъ неудачное время—шелъ процессъ декабристовъ, ожидались похороны императора Александра I, не до моделей было тогда петербуржцу. Точно также не находилось и покупателей на эту модель, хотя Росси выражалъ сильное желаніе продать ее.

Потерпѣвъ, надо полагать, убытки или во всякомъ случаѣ не вернувъ издержекъ, венеціанскій дворянинъ Антонъ де Росси разобралъ свою модель, уложилъ ее въ особо устроеные фургоны и поѣхалъ показывать западной Европѣ модель „Сѣверной Пальмиры".

22 января 1827 г. „модель С.-Петербурга выставлена нынѣ въ Берлинѣ, но къ сожалѣнію не въ одной залѣ, а въ 7 комнатахъ, по частямъ, такъ что любопытные зрители не могутъ обозрѣть нашей прекрасной столицы въ цѣломъ. Модель заслужила усердную хвалу берлинской публики" [102]).

7 ноября 1827 года сообщалось, что „г. де Росси прибылъ въ Парижъ съ моделью С.-Петербурга и поставилъ оную для публики въ улицѣ Риволи" [103]).

Дальнѣйшіе ея слѣды затеряны. Кажется, что модель попала въ концѣ концовъ въ британскій музей. Принявъ во вниманіе столь свойственное газетнымъ

описаніямъ того времени преувеличеніе, все-таки нельзя не сознаться, что модель Росси должна была бы служить лучшимъ пособіемъ для изученія исторіи Петербурга конца царствованія императора Александра I.

Въ настоящее время, судя по слухамъ, намѣчена перестройка и того дома, который сохранился до нашего времени съ 1769 года. Конечно на современный взглядъ, домъ этотъ и недоходенъ, и мало удобенъ; на занимаемомъ имъ мѣстѣ можно вывести такой небоскребъ, что всякій ахнетъ. Но если владѣлецъ этого дома и въ правѣ стремиться получать большой доходъ, а потому и желаетъ продать это мѣсто какой—то акціонерной компаніи, то и государство не только въ правѣ, но и обязано не допустить этой сдѣлки и пріобрѣсти домъ въ свою собственность, отдавъ его для культурныхъ надобностей. Здѣсь по праву долженъ былъ бы помѣститься музей Старого Петербурга, здѣсь могъ бы размѣститься рядъ другихъ культурно-научныхъ учрежденій, ютящихся въ настоящее время по разнымъ закоулкамъ.

И пусть этотъ домъ остался бы въ своемъ старомъ нетронутомъ видѣ, напоминая петербуржцу отдаленное прошлое его столицы, времена Семирамиды Сѣвера, когда этотъ домъ считался лучшей постройкою и былъ извѣстенъ подъ нарицательнымъ названіемъ: „домъ съ колоннами“.

VI

Въ то время, какъ домъ Чичерина былъ уже построенъ и представлялъ одну изъ самыхъ большихъ частныхъ построекъ въ Петербургѣ, слѣдующее мѣсто, освободившееся изъ подъ бывшаго Елизаветинскаго дворца—по Мойкѣ, нынѣшнему Кирпичному переулку и Морской улицѣ, было еще почти не застроено. Дѣйствительно, въ 1781 году мы имѣемъ такое свѣдѣніе: „Въ 1-й Адмиралтейской части позади дому его высокопревосходительства Николая Ивановича Чичерина, по Мойкѣ рѣкѣ, продается пустое мѣсто съ каменнымъ строеніемъ госпожи полковницы Елисаветы Михайловны Поповой“ [104]).

Попова недолго владѣла этимъ мѣстомъ, которое вскорѣ (1784 г.) перешло къ какому-то мѣднику Реймерсу, затѣмъ—къ Трейборну, отъ котораго его купилъ бывшій слоновый надсмотрщикъ, кассиръ императорскихъ театровъ, нѣкто Руадзе, выстроившій въ серединѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія донынѣ существующій громадный 5-этажный домъ.

Судя по одному изъ плановъ, имѣющихся въ архивѣ городской управы, каменное строеніе, принадлежавшее еще полковницѣ Елисаветѣ Михайловнѣ Поповой, было небольшимъ каменнымъ двухъэтажнымъ домикомъ, находившимся внутри мѣста и выстроеннымъ какъ то вкось къ набережной Мойки. Этотъ небольшой домикъ избрали своимъ излюбленнымъ мѣстопребываніемъ пріѣзжіе тирольцы съ канарейками; такъ, начиная съ 1784 года, читаемъ слѣдующее и ему подобныя объявленія: „Большая Морская, подлѣ Мѣщанскаго клуба въ Реймресовомъ домѣ у тирольца Перка продаются самыя лучшія кенарейки, которыя поютъ днемъ и ночью при свѣчахъ“ [105]).

Въ 1821 году на уголъ Кирпичнаго переулка и Морской улицы г-жа Латуръ, содержательница панорамъ въ Петербургѣ, перенесла свою панораму изъ большого дома кн. Лобановой-Ростовской на Исаакіевской площади (нынѣ домъ военнаго министерства, извѣстный подъ названіемъ „домъ со львами“), для чего построила на указанномъ углу небольшое деревянное зданіе подъ названіемъ ротонда [106]).

Примѣръ госпожи Латуръ не остался безъ подражателей: ея ротонда вслѣдствіе своего выгоднаго положенія не пустовала, одна панорама смѣнялась другою, а въ 1824 году „недавно прибывшій въ С. Петербургъ иностранецъ Яковъ Пинторъ, главный рыболовъ въ Адріатическомъ морѣ во владѣніяхъ графа Раймонда Туріано, съ дозволенія правительства, имѣетъ честь показывать почтенной публикѣ необыкновенной величины рыбу акулу, имѣющую по 4 ряда зубовъ въ верхней и нижней челюсти, въ 19 футовъ длины и въ 11 футовъ въ окружности (конечно, это размѣры акулы, а не ея зубовъ). Вѣсу въ ней болѣе 5 тыс. пудовъ, въ печенкѣ 1.200 фунтовъ и жиру выварено 600 фунтовъ. Рыба сія находится въ д. Реймерса, въ томъ самомъ амфитеатрѣ, гдѣ была показываема панорама Парижъ и Вѣна; съ 10 часовъ утра посѣтители платятъ за первое мѣсто 2 рубля, за второе 1 рубль, за третье 40 коп., дѣти—половину“ [107]). Этотъ главный рыболовъ хотѣлъ даже продать вывезенное имъ изъ Адріатики чучело акулы—не знаемъ, нашлись ли желающіе.

Въ 1832 году застроился и другой уголъ разсматриваемаго нами участка: на углу Мойки и Кирпичнаго переулка механикъ Клейншнекъ построилъ также деревянное зданіе для своего механическаго театра. Этимъ зданіемъ пользовались въ 30—40-хъ годахъ разные содержатели звѣринцевъ: здѣсь въ 1838 году гостилъ первый привезенный въ Петербургъ г-жею Турніеръ носорогъ [108]), а въ 1848 и 1849 годахъ былъ звѣринецъ голландца Зама, который устраивалъ примѣрныя сраженія звѣрей: „1 мая 1849 года въ часъ пополудни будетъ показана невиданная до сихъ поръ рѣдкость, а именно спустятъ бенгальскаго льва и медвѣдя въ одну клѣтку [109]).

Ротонда г-жи Латуръ нѣсколько разъ перестраивалась и увеличивалась въ размѣрѣ, въ ней помѣщались и діорамы, и косморамы, и „театръ свѣта“—предшественники нынѣшняго кинематографа, наконецъ, знаменитый „физіонотипъ“ Соважа. Такъ звался особый способъ снимать маску съ живого человѣка. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1839 года было помѣщено слѣдующее любопытное описаніе этого физіонотипа: „представьте тебѣ довольно большую кастрюлю, наполненную сотнями тысячъ тупыхъ, хорошо выполированныхъ иглъ, которыя такъ подвижны, что подаются назадъ при малѣйшемъ прикосновеніи. И вотъ въ эту кастрюлю съ чувствительными иглами вы должны вставить вашу голову. Разумѣется, что при видѣ такой щетинистой поверхности рождается какая то недовѣрчивость, какое то щекотливое чувство, которое заставитъ васъ призадуматься. Но, коснувшись до острой щетины, вы убѣждаетесь, что это ничто иное, какъ стальная вата, нѣжная, мягкая. Вы смѣло втискиваете въ нее свое лицо. Кастрюля охлаждается. Иглы дѣлаются неподвижными, ихъ заливаютъ воскомъ—и вотъ маска вашего лица готова, и такъ похожа и вѣрна, какъ ни одинъ художникъ не въ состояніи сдѣлать“ [110]). За подобное изображеніе брали отъ 200 рублей.

Къ началу 50-хъ годовъ упомянутый участокъ имѣлъ слѣдующій видъ: по Большой Морской улицѣ тянулся ни-

зенькій деревянный заборъ, на воротахъ котораго красовалась надпись „лѣсной дворъ,“ на углу Морской и Кирпичнаго переулка было деревянное, уже описанное нами, зданіе діорамы, затѣмъ по Кирпичному переулку снова заборъ, а на Мойку выходили деревянные сараи звѣринца.

Въ 1852 году стали строить каменный домъ Руадзе, который и былъ готовъ къ 1854 году. Домъ этотъ былъ „доходный“. и на архитектурную его внѣшность не было обращено вниманія; единственная цѣль, которую стремились достигнуть при постройкѣ, была—какъ можно выгоднѣе эксплоатировать каждый квадратный аршинъ мѣста.

VII.

Нѣсколько ранѣе, чѣмъ описываемый, потерялъ свой первоначальный видъ противоположный участокъ, по другой сторонѣ Морской улицы и Кирпичнаго переулка. Здѣсь при Елисаветѣ Петровнѣ помѣщалось каменное зданіе дворцоваго театра. Когда разбирали деревянный дворецъ, эту каменную часть его пощадили, и она стояла въ нетронутомъ видѣ до 1768 года, въ этомъ году ее приспособили для дома профессора Фальконета, а позади этой постройки устроили большую мастерскую для отливки памятника Петру Великому. Здѣсь же былъ построенъ въ 1770 году большой деревянный сарай, въ которомъ „съ 19 мая по утру съ 1 до 2 часовъ, а послѣ обѣда отъ 6 до 8 часовъ, впредь двѣ недѣли, показываема будетъ публикѣ модель монумента блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго“ [111]).

Кромѣ Фальконета, здѣсь же жили и другіе рабочіе, участвовавшіе при строеніи памятника Петру I. Такъ въ 1774 году 5 августа показаны въ числѣ отъѣзжающихъ: „Беноа Артиментъ, Етьенъ Форестьеръ, Гло Арнодъ, Жанъ Баптистъ Мило съ женою, живутъ при литьѣ большой статуи Петра I“ [112]).

О литьѣ памятника Петру Великому имѣются слѣдующія, довольно любопытныя подробности.

„Минувшаго августа 24 дня (1775 года) г. Фальконетъ вылилъ здѣсь на послѣдокъ статую Петра Великаго на конѣ. Литье, какъ нынѣ по снятой формѣ видно, удалось во всемъ по желанію, кромѣ мѣстахъ въ двухъ фута на два въ верьху. Сія сожалѣтельная неудача произошла черезъ такой случай, коего предвидѣть, а слѣдовательно и никакою предосторожностью предотвратить, возможности вовсе не было; но въ разсужденіи вышины всего литья, содержащаго до 30 футовъ, и самое сіе приключеніе не важно и сколь легко и столь же и скоро поправлено быть можетъ.

„Въ протчемъ литіе сіе можно почесть въ числѣ наилучшихъ, которыя только по сіе время въ статуяхъ происходили, ибо ни на самомъ портретѣ, ниже на конѣ не видно никакой скважины или ноздрины, но по всей окружности все вышло такъ чисто и гладко, какъ бы на воску. Вышеупомянутый же случай столь казался страшенъ, что опасались, дабы все зданіе, гдѣ сіе происходило, не занялось пожаромъ, а слѣдовательно и все бы дѣло не провалилось. Въ такомъ страхѣ всѣ работники съ помощниками, оставя свои мѣста, разбѣжались; одинъ только россійскій плавильщикъ Кайловъ, сей усердный человѣкъ, который управлялъ плавильнею, остался неподвижно на своемъ мѣстѣ и проводилъ растопленный металлъ въ форму даже до послѣднихъ каплей, не теряя ни мало бодрости своей при представляющейся ему опасности жизни. Такою смѣлостью и усерднымъ поступкомъ сего плавильщика столь былъ тронутъ г. Фальконетъ, что по окончаніи дѣла, бросившись къ нему, изъ всего сердца его поцѣловалъ, а потомъ не предупреждая тѣмъ иной милости двора, въ знакъ чувствительной благодарности дарилъ его отъ себя деньгами“ [113]).

27 іюля 1778 года появилось слѣдующее объявленіе: „потребенъ съ хорошими свидѣтельствами одинъ слуга и одна служанка, разумѣющіе французскій и нѣмецкій языки и желавшіе ѣхать бы во Францію, охотники могутъ являться къ г-жѣ Фальконетъ на углу Большой Морской противу дома прусскаго посланника“ [114]), а 24 августа того же года въ извѣстіяхъ объ отъѣзжающихъ можно было прочесть слѣдующія строчки: „профессоръ Фальконетъ съ своей невѣсткою и съ дочерью, при немъ служители Анна Шибертъ и Іоганъ Розенгранъ ѣдетъ за границу, а живетъ противъ двора прусскаго посланника въ казенныхъ палатахъ“ [115]).

Передѣланный каменный театръ дворца Елисаветы, Петровны снова опустѣлъ, мастерскія же Фальконета, деревянные сараи и вообще хозяйственныя постройки стояли и гнили вплоть до 1782 года, когда появилось объявленіе: „ежели кто имѣющееся деревянное строеніе, оставшееся на мѣстѣ бывшаго зимняго дворца и сдѣланной надъ поставленною гипсовою моделью монумента блаженныя и вѣчно достойныя славы памятника государя императора Петра Великаго деревянный амбаръ разобрать пожелаетъ, явился бы въ контору строеній немедленно“ [116]), затѣмъ черезъ годъ, въ 1783 году, предлагалось „имѣющееся довольное число земли и мусора желающимъ получать безденежно“ [117]) – мѣсто это очищалось для склада мрамора, который былъ привезенъ изъ Екатеринбурга, очевидно, для воздвигавшагося мраморнаго собора св. Исаакія Далматскаго [118]).

За эти пять лѣтъ, протекшія съ отъѣзда Фальконета и до образованія склада мрамора, былъ какой то проектъ построить каменный домъ, какъ будетъ видно изъ приводимаго ниже нами указа Екатерины II, но что это за домъ, для кого его хотѣли построить, и было ли приступлено къ постройкѣ – мы не нашли никакихъ свѣдѣній.

Наконецъ, 9 декабря 1786 года Екатериною II былъ данъ слѣдующій указъ: „Для построенія дома нужнаго кабинету нашему, въ которомъ бы съ безопасностью вмѣщены всѣ его отдѣленія съ вѣщами и деньгами, мы находимъ выгоднымъ пустое мѣсто, состоящее въ 1-й части города, гдѣ была часть стараго деревяннаго дворца и гдѣ заложенъ фундаментъ вновь проектированнаго каменнаго дома. Сіе мѣсто повелѣваемъ кабинету взять въ свое вѣдѣніе и, сочиня планъ со смѣтами, намъ на утвержденіе представить“ [119]).

Мѣсто, которое Екатерина II отдавала для постройки зданія кабинета, находилось въ вѣдѣніи конторы строеній, и потому кабинетъ 28 апрѣля 1787 года послалъ послѣдней слѣдующее отношеніе: „Кабинетъ увѣдомляетъ контору строенія, что для строенія кабинетнаго дому планъ ея императорскимъ величествомъ конфирмованъ и теперь къ производству онаго настоитъ удобное время, къ

чему распоряженія сдѣланы, рабочіе люди наняты, а потому благоволитъ контора строеній очистить указанное мѣсто".

Одновременно съ этимъ кабинетъ отослалъ въ редакцію С-Петербурскихъ вѣдомостей слѣдующее объявленіе: „Есть ли кто желаетъ построить на мѣстѣ, гдѣ была часть старого зимняго деревяннаго двора подлѣ Чичерина дому для кабинета ея императорскаго величества каменный домъ явился бы для договору въ кабинетъ" [120]).

Но не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ думается. Конторѣ строенія надо было перевезти мраморъ на другое мѣсто—а мрамора было довольно большое количество: 1494 штуки,—затѣмъ сломать старые сараи и навѣсы и сдѣлать на новомъ выбранномъ мѣстѣ покрышку для мрамора; словомъ, потребно было 4.445 р. денегъ. а такихъ свободныхъ средствъ у конторы строеній не было, и контора обратилась въ кабинетъ съ вопросомъ, не найдется ли у кабинета свободныхъ денегъ. Пока шла эта переписка, обстоятельтва дѣла измѣнились, Екатерина рѣшила подождать съ постройкою зданія кабинета, и помѣщеніе Фальконета осталось нетронутымъ.

Въ 1798 году 27 сентября появился новый указъ уже преемника Екатерины II, императора Павла I: „Состоящій вѣдомства кабинета нашего по Большимъ и Малымъ Морскимъ и Кирпичной улицѣ домъ № 33 повелѣваемъ отдать нашему дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсуцову подъ строеніе театра" [121]). Для этой постройки было повелѣно отпустить 50 тыс. рублей въ распоряженіе кн. Юсупова.

Но и это предложеніе осталось предположеніемъ, и этотъ участокъ въ концѣ концовъ въ началѣ XIX столѣтія былъ проданъ въ частныя руки и попалъ во владѣніе купцу Масу, который надстроилъ этажъ надъ театромъ, обративъ его такимъ образомъ въ жилой домъ, и кромѣ того по Морской улицѣ и Кирпичному переулку сдѣлалъ каменный заборъ.

Въ 1837—1838 г.г. участокъ Маса купилъ извѣстный въ то время архитекторъ Жако, построилъ существующій, кажется, безъ значительныхъ перестроекъ и донынѣ каменный домъ. Этимъ домомъ усиленно восторгались при его постройкѣ. Такъ, мы нашли въ 1838 году такія строчки: „Домъ Жако... что за прелесть! можно ли было догадаться, что на такомъ маломъ пространствѣ, на какомъ стоялъ прежній домъ Маса, можно воздвигнуть такое огромное зданіе со всѣми удобствами. Нижній этажъ на Морскую посвященъ магазинамъ съ огромными окнами для выставки товаровъ на иностранный манеръ. Всѣ дома г. Жако, а ихъ множество, отличаются красотою и удобствами" [122]).

Какъ на особенность дома Жако, указывали на широкія магазинныя окна нижняго этажа, по этому образцу стали устраивать окна и въ другихъ домахъ.

Изъ извѣстностей прошлаго времени въ домѣ Жако особенное вниманіе обращалъ на себя ресторанъ Фельета, потомъ Леграна.

„Фельетъ—писала „Сѣверная Пчела"—задумалъ обзавестись непьющимъ народомъ и набралъ татаровъ и татаренковъ, самыхъ неуклюжихъ и медленныхъ изъ остатковъ всѣхъ всевозможныхъ ордъ. Мы, русскіе люди, держимся стиха Крылова:

По мнѣ такъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй!

Потомки сподвижниковъ Чингисхана двигаются съ тарелками по трактиру Леграна, какъ черепахи по песчанному морскому берегу" [123]).

Такимъ образомъ появленіе татаръ въ видѣ прислуги въ ресторанахъ было встрѣчено отрицательно, но зато большой фуроръ произвело появленіе у того же Леграна въ 1841 году черепахи—она „помѣщается въ передней Леграна въ большой полуоткрытой бочкѣ; это черепокожное длины болѣе $1^1/_2$ аршина. Г. Легранъ намѣренъ дней черезъ 15, когда животное отдохнетъ отъ пути, угостить превосходнымъ и настоящимъ супомъ à la tortue посѣтителей въ своей прекрасной ресторацiи» [124]).

VIII.

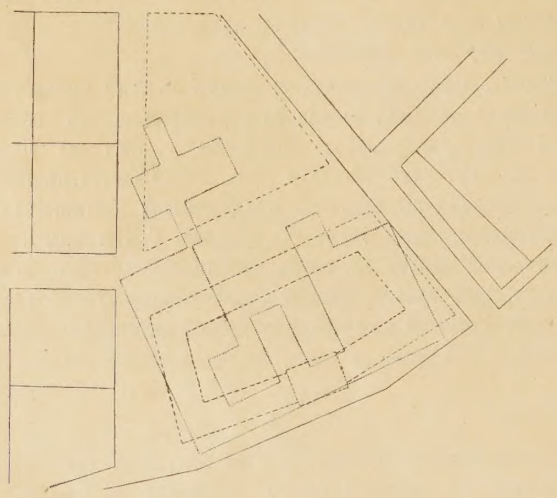
Послѣднимъ застроился въ этой мѣстности участокъ, выходящій на уголъ Невскаго проспекта и Большой Морской улицы, по правой сторонѣ отъ арки главнаго штаба. Еще въ 1788 году [125]) этотъ участокъ былъ огороженъ желтымъ деревяннымъ заборомъ, за которымъ продавались дрова. Въ концѣ 90-хъ годовъ XVIII в. купцы братья Чаплины (появившіеся на петербургскомъ горизонтѣ въ 1788 году [126]) выстроили четырехъэтажный домъ, который, кажется, существуетъ безъ передѣлокъ до нашего времени.

„Чаплины—такую характеристику давала имъ „Сѣверная Пчела"—почтенные негоціанты, ведущіе обширную торговлю мягкою рухлядью и чаемъ, вознамѣрились завести въ домѣ своемъ китайскій магазинъ во 2-омъ этажѣ надъ чайнымъ магазиномъ. На первый случай собраны только образцы китайскихъ товаровъ; Чаплины принимаютъ заказы на выписку товаровъ" [127]).

Наша задача окончена. Мы постарались на сколько возможно подробно прослѣдить исторію застройки одного перекрестка Петербурга. Какъ могъ читатель видѣть, на этомъ перекресткѣ смѣнился рядъ общественныхъ учрежденій—здѣсь былъ и первый рынокъ, и первый гостиный дворъ, и деревянный дворецъ Елисаветы Петровны, здѣсь же сохранился и до нашихъ дней одинъ изъ наиболѣе старыхъ по времени постройки домовъ Петербурга. Исторія этого перекрестка подтверждаетъ наше предположеніе—что въ раннюю пору существованія Петербурга не было какого либо опредѣленнаго плана при постройкѣ; этотъ планъ создавался и измѣнялся въ зависимости отъ минутныхъ надобностей и требованій, отъ совершенно случайныхъ, не зависящихъ отъ человѣческой воли обстоятельствъ, какъ напримѣръ, пожаровъ.

Плана застройки Петербурга, повторяемъ, не было и въ центральныхъ частяхъ, а объ окраинахъ не приходится и говорить.

Заключимъ нашу работу составленнымъ нами схематическимъ планомъ описаннаго перекрестка. На этомъ планѣ различнымъ пунктиромъ нанесены планы гостинаго двора и Елисаветинскаго дворца, также нынѣшней Морской улицы и Невскаго проспекта.



Фиг. 9. Схематическій планъ замѣчательнаго перекрестка.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Богдановъ. Описаніе Петербурга, стр. 15. 2) Нистремъ. Введеніе къ Адресъ-календарю Петербурга. 1844. 3) Матеріалы къ исторіи Русскаго флота т. I, стр. 98. 4) Тамъ же т. III, стр. 557. 5) Берхгольцъ. Дневникъ ч. I, стр. 28. 6) Петровъ. Исторія Петербурга, стр. 45. 7) Полное собраніе законовъ № 2909. 8) Общій архивъ Мин. Двора. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ, стр. 51. 9) Архивъ Морск. Минист. Дѣла Адмирал. колегіи, вязка 9. 10) тамъ же, дѣло адм. Крюйса, вязка 31. 11) Опись сенатскихъ указовъ Баранова, № 692. 12) Тамъ же № 5662. 13) Богдановъ—Рубанъ, 15. Трудъ перваго историка Петербурга Богданова былъ изданъ въ свѣтъ дважды: въ 1778 г. Рубаномъ и въ 1903 г. А. Титовымъ; въ нашемъ цитированіи мы указываемъ сокращенно первое изданіе: Богдановъ—Рубанъ, второе Богдановъ—Титовъ. 14) Общій архивъ Мин. Двора, опись 73/187, карт. 5503 и 5504, л.л. 736 и 833. 15) Опись Баранова № 5130. 16) С.-Пет. Вѣд. 1777, № 63. 17) Смотри напр. Спб. Вѣд. 1763, № 9, 1780, 1171 стр. и т. д. 18) Житковъ. Біографія инжен. путей сообщенія, ч. II, стр. 344. Худож. Газета 1840, № 17. Журн. Мин. Пут. Сообщенія, 1860 № 1, стр. 2. 19) Сѣв. Пч. 1842, № 198. 20) Сѣв. Пч. 1844, № 225 21) Всем. Илл. 1870, № 70. 22) Матеріалы къ исторіи русск. флота, т. I, стр. 98. 23) Тамъ же, т. III, стр. 554. 24) Архивъ Морск. Мин. Дѣла Адм. Канцел. св. 16, л. 344—345. 25) Русск. Арх. 1872 стр. 1413—1414. 26) Описаніе Петерб. и Кроншл. 1710—1711, стр. 31. 27) Полн. собр. законовъ, № 3236. 28) Петровъ. Исторія Петербурга, стр. 191. 29) Богдановъ—Рубанъ, 110 стр. Здѣсь Рубаномъ была вставлена въ описаніе Богданова ссылка на домъ Чичерина; домъ этотъ еще не существовалъ при жизни Богданова. 30) Сѣв. Пч. 1851, № 155. 31) Богдановъ—Рубанъ 122 стр. 32) Опись указамъ Баранова, № 5173. 33) Доклады и протоколы Прав. Сената т. II, ст. 771—772. 34) С.-Пет. Вѣд. 1788, стр. 676. 35) Извѣстія Спб. Гор. Думы 1866, стр. 26. 36) Опись Сенатск. указовъ Баранова, № 1553. 37) Сенатск. архивъ. Высоч. повелѣнія, т. XXIII, л. 12 38) Опись сенатск. указовъ Баранова, № 1607. 39) Богдановъ—Рубанъ, стр. 110. 40) Опись сенатск. указовъ Баранова, № 5501. 41) Тамъ же, № 7273. 42) Общій Арх. Минист. Двора. 43) С.-Пет. Вѣд. 1780, стр. 1191. 44) Тамъ же 1763, № 73. 45) Тамъ же 1738, стр. 759. 46) Тамъ же 1743, стр. 364. 47) Тамъ же 1739, стр. 646. 48) Тамъ же 1778, № 35. 49) Тамъ же 1778, № 50. 50) Тамъ же 1746, стр. 777 и 1747, стр. 8. 51) Тамъ же 1763, № 80, 1764, № 6. 52) Тамъ же 1774, № 33. 53) Тамъ же 1771, № 16. 54) Тамъ же 1772, № 4. 55) Тамъ же 1772, № 54. 56) Тамъ же 1768, № 73. 57) Тамъ же 1794, стр. 643. 58) Тамъ же 1781, стр. 511. 59) Тамъ же 1755, № 10. 60) Тамъ же № 15. 61) Тамъ же № 28. 62) Тамъ же № 36. 63) Тамъ же № 49. 64) Тамъ же № 63. 65) Тамъ же № 89. 66) Общій Арх. Мин. Двора. 67) Подробнѣе объ этихъ столахъ смотри нашу статью «Банкетные столы», Ст. Годы 1913, мартъ. 68) С.-Пет. Вѣд. 1756, № 96. 69) Петровъ, 581 стр. 70) Историко-Статистическое Описаніе церквей Спб. Епархіи, вып. 4, стр. 6—7. 71) Опись сенатск. указовъ Баранова, № 10975. 72) С.-Пет. Вѣд. 1765, № 4. 73) Тамъ же, 1769, № 35. 74) Тамъ же 1766, № 80. 75) Тамъ же 1770, № 9. 76) Тамъ же 1770, № 19. 77) Тамъ же 1770, № 26. 78) Тамъ же 1772, № 30. 79) Тамъ же 1773, № 33. 80) Тамъ же 1775, № 75. 81) Тамъ же 1776, № 58. 82) Тамъ же 178, № 54. 83) Тамъ же 1774, № 70. 84) Тамъ же 1781, стр. 216. 85) Всем. Илл. № 840. 86) С.-Пет. Вѣд. 1768, № 55. 87) Тамъ же 1769, № 35. 88) Тамъ же 1770, № 31. 89) Тамъ же 1770, № 57. 90) Тамъ же 1771, № 85. 91) Тамъ же 1772, № 54. 92) Тамъ же 1779, стр. 1019. 93) Тамъ же 1774, № 51. 94) Тамъ же 1774, № 83. 95) Тамъ же 1783, № 1. 96) Тамъ же 1794, стр. 1064. 97) Тамъ же 1799, стр. 548. 98) Тамъ же 1839, № 24. 99) Сѣв. Пчел. 1851, № 255. 100) На эту модель намъ приходилось уже указывать въ печати. 101) Сѣв. Пчела 1826, № 90. 102) Тамъ же 1827, № 10. 103) Тамъ же 1827, стр. 133. 104) Тамъ же 1781, стр. 147. 105) Тамъ же, стр. 895. 106) Тамъ же 1821, стр. 399. 107) Тамъ же 1824, стр. 410. 108) Сѣв. Пчела 1838, № 2, № 8. 109) С.-Пет. Вѣд. 1849, стр. 370. 110) Сѣв. Пчела 1839, № 64. 111) С.-Пет. Вѣд. 1770, № 41. 112) Тамъ же 1774, № 62. 113) Тамъ же 1775, № 70. 114) Тамъ же 1778, № 60. 115) Тамъ же № 69. 116) Тамъ же 1782, стр. 356. 117) Тамъ же 1783, № 43. 118) Тамъ же 1783, № 85. 119) Общій Архивъ Минист. Двора. Опись 400/512, дѣло 432, карт. 4946. 120) С.-Пет. Вѣд. 1787, стр. 513. 121) Общ. Арх. Мин. Двора опись 352/1343, д. 61, л. 238. 122) Сѣв. Пчела 1838, № 223. 123) Тамъ же 1839, № 149, стр. 595. 124) Тамъ же 1841, № 159. 125) Тамъ же 1788, отъ 28 марта. 126) Архивъ Городск. Думы св. 6, № 469. 127) Сѣв. Пчела 1830, № 31.

Ц-65

HECKMAN
BINDERY INC.
OCT 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005141296